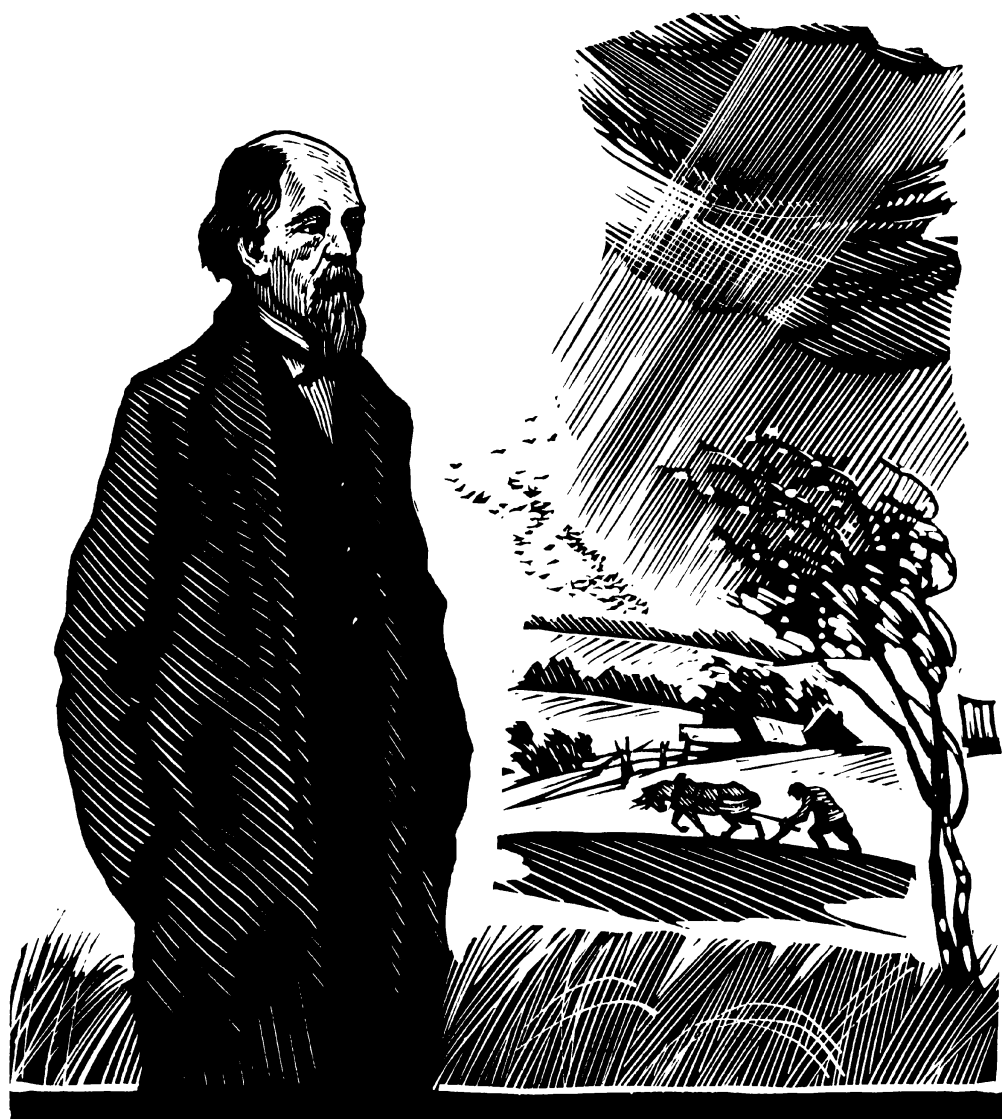

Искорка

ДЕКАБРЬ • 1971

год издания XV

газеты
«Ленинские
известия» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Семён КОГАН

Первую снежинку,
Лёгкую как пух,
Нынче на рассвете
Проглотил петух.

И, довольный очень
Дерзостью своей,
Сообщил об этом
По округе всей:

— Первую снежинку,
Лёгкую как пух,
Нынче на рассвете
Проглотил петух!

Кто ещё тягаться
Вздумает со мной!
Я легко и просто
Справился с зимой!..

Петуху казалось,
Громко он пропел,
А на самом деле
Еле прохрипел.

И скрипели тихо
Ветки: скрип да скрип! —
Слушая хвастливый
Петушинный хрип.

А потом снежинки
Повалили вдруг:
Белые снежинки,
Лёгкие как пух.

Побелели сразу
Серые дома.
Это значит, утром
К нам пришла зима.

Рис. Ю. Бочкарёва

„Я верую в народ..“

ДВЕНАДЦАТЬ разных цензурных ведомств искали крамолу в каждом печатном слове. Из статей и рассказов вычёркивали слово «народ»; в учебниках древней истории вымарывали имена тех, кто сражался за свободу отечества. Тургенев за статью о Гоголе был посажен на гауптвахту без всяких объяснений. Даже верноподанный литературный доносчик Фаддей Булгарин пострадал. Однажды в своём журнале он написал, что в Петербурге часто бывает плохая погода, и тут же его вызвали в Тайную полицию: «Вольнодумствовать вздумал!.. Климат царской резиденции бранишь? Смотри!..»

Николай I ненавидел просвещение, и любимыми его словами были: «Не рассуждать!»

«Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?» — записал в свой дневник Герцен.

В такую-то пору рос и набирался первых жизненных впечатлений будущий великий поэт Некрасов.

Родился он 10 декабря 1821 года в семье помещика средней руки, убеждённого крепостника, тиранившего не только крестьян, но и своих близких. На Волге, куда бегал мальчик поиграть, встречал он бурлаков, тянущих тяжёлые баржи. Неподалёку от дома по знаменитому Владимирскому тракту проходили, гремя кандалами, арестанты.

Юный Некрасов поступил в Ярославскую гимназию. Вот выдержки из правил для учащихся, которые составил директор этой гимназии: «Ученики всегда должны иметь страх божий», «Книг, не принадлежащих к наукам преподаваемым, вовсе не читать, да и книги, относящиеся к предметам учения, исключая только священное писание, не иначе могут читать, как испросив наперёд письменное позволение у инспектора».

Не может такого быть, думаете? Но ведь было! И вот что замечательно: в сильном, упорном человеке — а Некрасов с детства сознательно закалял свой характер — все преграды только укрепляют

решилось преодолеть их. В гимназические годы мальчик много читал. На всю жизнь запомнил он строки пушкинской оды «Вольность».

Отец хотел видеть сына офицером — сын решил стать писателем (стихи он начал сочинять очень рано). Притворно согласившись поступить в военное учебное заведение, шестнадцатилетний подросток отправился в Петербург. Отец лишил ослушника материальной поддержки, и тот несколько лет прожил в ужасной нищете. Порой он не имел крыши над головой; порой, имея крышу, жил без всякой мебели и вынужден был писать лёжа на полу, да ещё чернилами, сделанными из сапожной ваксы. «Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день», — рассказывал он впоследствии.

В семнадцать лет Некрасов опубликовал своё первое стихотворение, а в девятнадцать — свою первую поэтическую книгу.

Многие из тогдашних литераторов считали, что искусство должно говорить о возвышенном, что оно не должно касаться некрасивых сторон жизни, рисовать грубую действительность. Такие стихи, далёкие от того, чем жили люди, сочинял и молодой поэт. Недаром первый его сборник назывался «Мечты и звуки».

Некоторые рецензенты, придерживавшиеся таких же взглядов на литературу, в общем одобрили писания юного поэта. Зато В. Г. Белинский всыпал ему, как говорится, по первое число. И Некрасов принял суровую оценку великого критика: он стал скупать свою книгу и уничтожать её (поэтому до наших дней «Мечты и звуки» дошли в очень небольшом количестве экземпляров, это теперь библиографическая редкость).

Вскоре Некрасов сблизился с Белинским и под его влиянием стал иначе смотреть на назначение литературы и на роль писателя в обществе. В своём творчестве он обращается к реальной действительности, к собственному жизненному опыту, говорит о том, что было самым важным — о нищете и бесправии крепостных крестьян в деревне, трудового люда в столице. Одним из первых в русской литературе поэт заговорил о полной контрастов жизни большого города.

Помните «Размышления у парадного подъезда»? (А если не читали ещё, то прочитайте.) Крестьяне издали пришли к вельможе со своими нуждами. Но бедняков даже не допустили до него.

Когда будешь в Некрасовском музее в Ленинграде (он находится на углу Литейного проспекта и улицы Некрасова), посмотри на красное здание с колоннами по другую сторону Литейного. Это и есть те самые «роскошные палаты» с тем самым парадным подъездом, где поэт увидел однажды, как швейцар взашей гнал просителей.

*Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Ещё веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!*

*Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля. —
Где народ, там и стон...*

Автор рассказал нам как будто только об одном маленьком, вероятно, и не замеченном никем случае, рассказал очень точно, ничего не прибавив. Но какая получилась картина! Как постепенно всё нарастает и нарастает обобщение — от отдельного эпизода у двери чиновника до перечисления — по полям, по дорогам, в рудниках, с нарочитым повторением одного и того же слова «стонет» и, наконец, до заключительного вывода, краткого и точного, как афоризм: «Где народ, там и стон...»

Такова сила настоящего искусства.

Прочитайте другие стихотворения Некрасова, например, «Родина», «Железная дорога». И здесь, опираясь на конкретные факты, автор говорит о *явлениях*, о самом характерном в жизни, о крепостнической системе в целом, о классе угнетателей и классе обездоленных. Недаром в каждом из этих произведений представителю господствующего сословия противопоставлен народ. При этом люди из народа у Некрасова — положительные герои, а дворяне, сановники — отрицательные.

Даже по названиям стихотворений («Огородник», «Извозчик», «В дороге», «Несжатая полоса», «Забытая деревня») можно заметить, что простой человек, чаще всего крестьянин, в центре внимания поэта. До Некрасова такого всестороннего, полного изображения народной жизни в литературе не было.

А я ещё даже не упоминал замечательных его поэм, народных по духу, по содержанию, по своей художественной форме — «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный нос», «Коробейники» и самого крупного произведения «Кому на Руси жить хорошо». Все они написаны складом, близким к складу устного народного творчества, пересыпаны народными словечками, пословицами, поговорками, впитали в себя песни, сказки, причитания. Не случайно многие стихи Некрасова сами стали народными песнями, например «Ой, полна, полна коробушка» — из «Коробейников».

Но и в среде угнетённых были самые слабые и самые незащищённые — женщины и дети. О них поэт писал с особой любовью.

*Равнодушно слушая проклятья
 В битве с жизнью гибнущих людей,
 Из-за них вы слышите ли, братья,
 Тихий плач и жалобы детей?
 «В золотую пору малолетства
 Всё живое — счастливо живёт,
 Не трудясь, с ликующего детства
 Дань забав и радости берёт.
 Только нам гулять не довелось
 По полям, по нивам золотым:
 Целый день на фабриках колёса
 Мы вертим — вертим — вертим!..»*

«Однажды в студёную зимнюю пору...» ты, конечно, знаешь наизусть. Сколько лет было маленькому мужичку-дровосеку? «Шестой миновал...»

И читал ты, и ещё не раз будешь находить у Некрасова строки о тяжёлой доле крестьянской женщины — о побоях пьяного мужа, о гибели детей, о непосильной работе: «В полном разгаре страда деревенская... Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать».

Поэта называли печальником горя народного. Но не следует думать, что он был поэтом безысходной тоски, безнадежности, отчаяния.

Смотри, какие строки можно найти в «Железной дороге», где одна картина мрачнее другой:

*Да не робей за отчизну любезную...
 Вынес достаточно русский народ,
 Вынес и эту дорогу железную —
 Вынесет всё, что господь ни пошлёт!
 Вынесет всё — и широкую, ясную
 Грудью дорогу проложит себе...*

Поэт-революционер осуждал народное долготерпение, смирение и кротость. «Ты проснёшься, исполненный сил?» — вопрошает он в конце того проникнутого печалью и гневом отрывка из «Размышлений у парадного подъезда», который приведён выше.

«Кому на Руси жить хорошо?» — такой вопрос захотели разрешить мужики из поэмы Некрасова. Ни богатей, ни помещик, ни поп, дрожащие за свои богатства, за своё положение, за своё будущее, не чувствуют себя счастливыми. И только один герой, которому автор предсказывает «чахотку и Сибирь», счастлив: Григорий Добросклонов, который борется за счастье народа.

Некрасов был не только замечательным народным поэтом. Он был ещё выдающимся журналистом и издателем. Двадцать лет вместе с Белинским, а после его смерти — с Добролюбовым и Чернышевским издавал он лучший русский журнал «Современник». Здесь печатались самые талантливые писатели — Толстой, Тургенев, Островский, Григорович, Герцен, публиковались смелые публицистические и критические статьи Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Цензура преследовала «Современник», вырезала из готового номера куски (Некрасову порой по ночам приходилось писать длинные романы, чтобы заткнуть дыры), выкидывала, калечила собственные стихи поэта.

Ты знаешь, например, строчки:

*...Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.*

И при жизни поэта, и десятилетия спустя эта строфа печаталась без последней строчки.

...В 1864 году, когда Чернышевский уже сидел в Петропавловской крепости, «Современник» был окончательно закрыт (до этого его приостанавливали на несколько месяцев). Но и тут Некрасов не сдаётся: он приобретает журнал «Отечественные записки» и продолжает революционную агитацию.

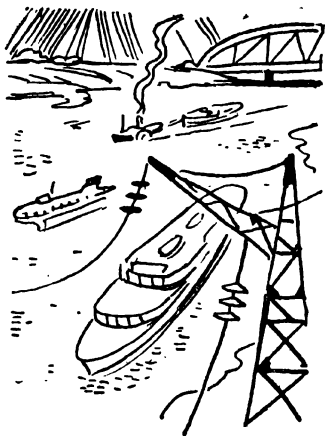
И стихи Некрасова, и его журналы воспитали несколько поколений революционеров. Вот почему как большой праздник отмечает страна победившей революции 150-летие со дня рождения поэта. Он из тёмных глубин николаевской России обращался к потомкам, к нам, со словами любви и великой веры. Век назад, в 1874 году, он как будто видел Волгу и Русь 1971 года:

*Увы! Я дóжил до седин,
Но изменился мало.
Иных времён, иных картин
Провижу я начало*

*В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобождённый от оков,
Народ неутомимый*

*Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине*

*Суда-гиганты побегут
Несчётною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...
Мечты!.. Я верую в народ...*

А. БЕЛЯКОВА

Потомок декабристов

АЛЬБОМ

Почти в любом доме есть семейный альбом, где хранятся памятные фотографии. Откроешь его страницы, и словно вся жизнь человека пройдёт перед глазами. На первой странице сидит, например, на стуле лупоглазый малыш, в бантиках и кружевах, а на последней у этого малыша уже борода и усы. Страницы — как годы, и можно шагать по ним, как по ступенькам жизни.

Но альбом, что пришлось мне увидеть, не был похож на те, купленные в магазине.

Склеили его из грубой бумаги и из старого картона. На самодельной обложке две даты — «XII—XX век». Может быть, просто ошибка? Подумать только — восемь столетий соединяет маленькая чёрточка между цифрами! Но альбом не похож на старинный. На первой странице дарственная надпись: «Гвардии воспитаннику В. Б. Бобрищеву-Пушкину за героизм, проявленный в боях за Советскую Родину от командования 43-й гвардейской Рижской Латвийской стрелковой дивизии».

Значит — это подарок. Ну, а почему же XII—XX век? Вот об этом-то и наш рассказ.

У каждого человека есть родословная. То есть история его рода, его семьи. Но только не всякий может её рассказать, потому что не знает. Спроси у

любого школьника, кого он знает из своих родичей. Он перечислит: отец, дед. Может быть, знает о прадеде. А уж дальше вряд ли представляет своих предков. Но ведь, если идти в глубь времён, можно докопаться до самых корней, даже до начала рода или фамилии. Например, носит сегоднешний мальчишка фамилию Кузнецов — как дед и отец его, хотя никто из них уже никакого отношения к этой профессии не имеет. Но значит, когда-то давно, какой-то прапрапрадед всё-таки был кузнецом — отсюда и пошла фамилия. А в Англии такой же мальчишка носит фамилию Смит — что в переводе означает тоже Кузнецов. Значит, и у него в роду кто-то занимался кузнечным делом — отсюда пошла и английская фамилия.

Передаются из поколения в поколение рассказы о самых выдающихся людях в семье, которые прославили фамилию. Были они или замечательными мастерами, или прославились воинской доблестью, или были знамениты ещё чем-нибудь. По

ним и должны равняться потомки и оберегать свято честь семьи и фамилии.

НЕ ПОСРАМИ ФАМИЛИИ

На первой же странице альбома, о котором идёт речь, изображён герб в виде щита. Щит разделён на четыре части «из коих в первой и четвёртой в серебряном поле изображены по одному орлу голубого цвета с распростёртыми крыльями, имеющие в лапах меч и державу. Во второй части в горностаевом поле на подушке с золотой бахромою и кистью помещена княжеская шапка. В третьей части в золотом поле находится в латах согбенная рука с мечом. Щит увенчан шлемом и короной со страусовыми перьями...». Так описан в старинной книге герб Бобрищевых-Пушкиных, которые ведут свой род со времён Александра Невского.

Володя Бобрищев-Пушкин жил в Ленинграде на Таврической улице. До тех пор пока не ходил в школу, он не думал, что у него несколько необычная фамилия. Это и понятно. Его звали только по имени. А когда пришёл в класс и учительница начала всех вызывать по списку, дошла очередь и до него.

— Бобрищев-Пушкин!

Володя вскочил, хлопнув крышкой парты:

— Это я!

В классе кто-то засмеялся. Вот здорово! У одного мальчишки сразу две фамилии, да одна ещё такая знаменитая!

— Интересная у тебя фамилия, — сказала учительница. — Уж не потомок ли ты великого поэта?

Володя молчал. Он просто не знал, откуда у него такая фамилия, и решил обязательно сегодня же выяснить у бабушки.

В тот день он не мог дожидаться конца уроков и бежал из школы в нетерпении.

— Бабушка, почему у меня две фамилии?

Бабушка Елизавета Ивановна достала из шкафа старую-старую книгу. На обложке было вытиснено потускневшими золотыми буквами: «Российский гербовник». Она долго листала книгу и наконец показала Володе щит, разделённый на четыре части, тот самый, который потом он поместил в свой альбом.

— Вот теперь смотри и слушай. «Во дни княжения Святого и Благоверного Великого князя Александра Невского из Семиградской земли выехал знатной словенской фамилии муж честен Радша. Потомок Радши Григорий Александрович Пушка имел правнука Ивана Алексеевича Бобрища-Пушкина...»

Отсюда и пошла фамилия. Из XII века.

В этот вечер долго не зажигали света, и в сумерках ба-

бушка рассказывала Володе об истории семьи.

— Много всяких — и плохих, и хороших — людей носило твою фамилию, но были среди них такие, которыми ты должен гордиться особо.

Древность любой фамилии ещё не велика честь. Главное — люди, которые прославляют её своими делами.

В этот вечер Володя узнал от бабушки о своих знаменитых предках.

Более ста лет назад, в 1824 году, жили в Москве два брата Бобрищевы-Пушкины — Николай и Павел. Оба были офицерами и служили в одном полку. Старший брат был участником Отечественной войны 1812 года. Он очень ценил своих солдат, видел в бою, как честно и храбро сражались они за родную землю. И возмущался, что любой офицер дворянин мог ударить солдата, скажем, только за то, что у него плохо почищены пуговицы мундира.

Солдаты были крепостными мужиками, и за людей их не считали. Барин-помещик по своему выбору сдавал в солдаты крепостных на двадцать пять лет. Почти всю жизнь были они оторваны от родного дома, от семьи. И эти солдаты разбили хваленую армию Наполеона, отстояли родную землю от иноземных захватчиков. Лучшие люди из дворян не могли смириться с такой несправедливостью. Они мечтали освободить Россию от крепостного права, сделать свободными русских мужиков.

Эти офицеры стали создавать тайные общества, где обсуждали пути освобождения России. Были эти общества и в Москве, и на Украине. Центр борьбы находился в Петербурге. Братья Бобрищевы-Пушкины были членами московского тайного общества.

14 декабря 1825 года вспыхнуло восстание декабристов в Петербурге на Сенатской площади, которая называется сейчас площадью Декабристов, в память о тех днях. Но восстание было подавлено, потому что кучка даже самых смелых и благородных людей ничего не могла сделать без поддержки всего народа. Царь Николай I жестоко расправился с восставшими.

Начались аресты по всей России. Схватили и братьев Бобрищевых-Пушкиных. Оба были сосланы в Сибирь на каторгу, а потом на пожизненное поселение. Известно, что Николай Бобрищев-Пушкин от лишений и издевательств, которым он подвергался в тюрьме и на каторге, сошёл с ума. Павел же выдержал все испытания и, отбыв каторгу, поселился в Сибири. Он занялся изучением медицины, гомеопатии. Он лечил местных мужиков и не брал с них денег. В 1848 году, когда в России вспыхнула холера, Павел Сергеевич выполнял свой долг врача и ухаживал за больными. Судьба его пощадила, он чудом не заразился. Умер он в Москве, в доме вдовы декабриста Ивана Ивановича Пушина, лицейского друга Пушкина.

Так сложилась судьба братьев-декабристов Бобрищевых-Пушкиных.

Володя жадно слушал бабушку. Так вот, значит, какую славную фамилию он носит! И, словно угадав его мысли, Елизавета Ивановна сказала:

— Ты теперь последний представитель Бобрищевых-Пушкиных в России. Есть, правда, какой-то Бобрищев в Монако, который сбежал от революции. Но этот не в счёт. Настоящие люди от своей Родины не убегают, а охраняют и защищают её. Так что тебе теперь придётся беречь честь фамилии. Смотри не посрами её!

Эти слова Володя запомнил. Его поразило, что он — последний потомок декабристов. Тех, которые вошли в славную книгу русской истории.

А что он сможет сделать полезного для своей Родины?

Эта мысль не оставляла его с того памятного вечера. Может быть, сбежать в Испанию? Там шли бои. Интербригады сражались с фашистами. Радио каждый день передавало сводки. Рядом с Володиным домом, на углу улиц Тверской и Красной конницы, находился интернат для испанских детей.

Как-то, возвращаясь из школы, Володя встретил черноволосого мальчишку, на вид чуть постарше себя. Стоял тёплый солнечный день, а мальчишка был одет не по погоде. В толстой куртке, в шапке и с мешком. Словно собрался в дорогу. Он подошёл к Володе и спросил:

— Где призан?

— Что, что?

Володя не сразу понял, о чём идёт речь. А мальчишка продолжал:

— Море, призан, домой хочу.

Ах, пристань! Так Володя познакомился с испанцем Хосе. Оказалось, что он разыскивал порт, чтобы уехать домой, в Испанию.

Хосе рассказал новому другу, что он должен в Испании бить фашистов, и ещё он хотел разыскать мать, которая сражалась в боевом отряде.

— Можно я с тобой поеду? — попросил Володя.

Но Хосе оглядел его придирчиво с ног до головы и печально покачал головой:

— Нет, тебе ещё нельзя — ты маленький.

Володя обиделся и решил, что будет воспитывать в себе смелость и докажет Хосе, что, хотя он ещё пионер, но тоже может быть полезным в Испании. Только вот как её воспитать, смелость?

На даче в Павловске он залезал на самые высокие деревья. Очень было страшно, хотелось спуститься вниз, но Володя приговаривал про себя: «Нет, ещё выше, ещё выше!» — и лез вверх, обдирая коленки об острые сучья.

По соседству, как это часто бывает, жила злая собака. Её и взрослые обходили стороной, а Володя решил испытать себя и идти прямо на громадного пса, не отступая. Будь что будет.

Пёс сначала не обратил вни-

мания на мальчишку. Мало ли их тут ходит!.. Тогда Володя, зажмурившись, замахнулся на него. Ощетинив шерсть на загривке, пёс чуть зарычал, злобно приподняв уголки чёрной пасти. Володя не отступал. Это уже было слишком. Рассерженный зверь ринулся на нахала.

Тут Володя дал стрекача и кинулся спасаться на дерево. Собака бесновалась внизу, а «герой» Бобрищев-Пушкин дрожал на суку.

На истеричный лай собаки вышел из дома сонный мужчина, увидев на дереве Володю, крикнул: «Швалишься, мальшик, силезай». Он плохо говорил по-русски. И Володя ещё долго подозревал: вдруг этот дядька какой-нибудь шпион. Бабушка засмеялась на это и сказала, что это их сосед, обрусевший финн.

Продолжая испытывать себя, Володя в Павловском парке забрался под мавзолей, решив найти там труп императора. Но, кроме пыли, ничего конечно, не обнаружил.

А время было предвоенное, и все мальчишки щеголяли знанием систем самолётов, танков. Бабушка Елизавета Ивановна только головой качала и вздыхала, когда видела, что Володя рисует военные схемы и планы.

— погоди ты, не торопись, ещё навоюешься! — Она гладила Володю по голове и заставляла пить на ночь молоко.

Слова её оказались пророческими. Тем летом началась война.

МОРЯЧОК

На следующей странице альбома — портрет лихого моряка. Бескозырка набекрень, выются ленты по ветру. Правда, на морячке солдатская гимнастерка, но из расстёгнутого ворота выглядывает флотская душа — тельняшка. Это хозяин альбома Володя Бобрищев-Пушкин, бывший ученик 24-й ленинградской школы.

В блокаду они остались в Ленинграде вдвоём с бабушкой. Володя ходил по утрам за пайком хлеба, выстаивая длинные очереди у булочной. От голода умирали родные, соседи. Бабушка еле держалась на ногах, но старалась отдавать Володе кусочек побольше. Она ещё шутила: «Тебе же продолжать фамилию, а я уже отжила своё». Володя возмущался и требовал, чтобы хлеб делили поровну.

Ночью, глядя на тёмные холодные шкафы с книгами, он сочинял героические истории, в которых побеждал фашистов.

Надо было обязательно попасть на фронт. Володя ходил в военкомат несколько раз и даже написал заявление, где прибавил себе три лишних года. Выходило, что ему уже шестнадцать.

Прислали из военкомата повестку. Бабушка, которая вы-

нула её из почтового ящика, сама отправилась к военкому. «С каких это пор в армию стали младенцев брать?» Военком показал Володино заявление, и обман раскрылся. Бабушка долго плакала и стыдила Володю, что он совсем её не жалеет.

В 1942 году через Ладожское озеро Володю и бабушку эвакуировали из Ленинграда на Кавказ.

В дороге Елизавета Ивановна умерла. Володя остался один. Он твёрдо решил бежать на фронт.

Но судьбу Володи решили иначе. Его посадили в поезд и отправили в тыл, определив в детский дом как круглого сироту. Сирота для виду покорился, но твёрдо решил не ехать ни в какой тыл. В дороге он присматривался к воинским эшелонам. На одной из станций отстал от своего поезда и попросился в солдатскую теплушку. Он рассказал свою историю. Его накормили и устроили на верхних нарах, заботливо укрыли двумя серыми шинелями. Но командир, узнав о мальчишке, рассердился: «Это ещё что за детсад! Отправить в тыл. Рано ему ещё воевать...» Володя молча стоял перед ним, упрямо твердил про себя: «Всё равно убегу, всё равно убегу!» Командир сжалился и разрешил ему доехать до Новороссийска. Прибыв на место, Володя сбегал, боясь, что его снова отправят в тыл. В Новороссийске он пристал к морякам, его взяли юнгой на «Морской охотник» СК-046.

В феврале 1943 года на полуострове Мыс-Хако — недалеко от Новороссийска — высадился десант. Горстка отважных моряков отвоевала у фашистов плацдарм, который стали называть «Малой землёй». Семь с половиной месяцев удерживали герои-десантники этот клочок земли.

В числе катеров, которые высаживали десантников и потом доставляли им боеприпасы и продовольствие на Малую землю был и «Морской охотник», на котором служил Володя Бобрищев-Пушкин.

Командир катера капитан Омельчук был доволен юнгой, но одно его огорчало: идёт время, парень растёт, а дальше четвёртого класса не обучен.

Он достал где-то потрепанный учебник русского языка и заставлял делать скучнейшие

упражнения. И ещё требовал, чтобы Володя всегда был подтянутым и аккуратным. «Флот нерях не любит», — повторял он часто. Где уж он раздобыл коробку довоенного мятного порошка — одному морскому богу было известно. Торжественно вручил порошок юнге и велел каждый день чистить зубы. Володя даже возмутился: какие такие щётки-порошки во время войны! Что он, детсадовец, что ли? Однако приказы командиров не обсуждают, и пришлось чистить зубы, как когда-то в мирное время дома, в Ленинграде.

Но в горячке боёв командир, конечно, было не до уроков, да и для занятий не было времени.

Тогда и решили перевести Володю в город Батуми, чтобы он проходил службу и мог ходить в школу. К этому времени относится характеристика, выданная юнге Бобрищеву-Пушкину, что он «с 8 марта 1943 года по 21 ноября 1943 года проходил службу в качестве воспитанника в отделении рулевых эскадренного миноносца «Незаможник» Черноморского флота и учился в четвёртом классе начальной школы г. Батуми. Предан делу партии и Советскому Отечеству.

Капитан 3-го ранга Клубук».

Когда сняли блокаду Ленинграда, Володю отправили домой. На Балтике он и явился на эсминец «Вице-адмирал Дрозд». Поэтому-то на гвардейской ленточке матросской бескозырки Володи золотом сияет имя этого корабля.

СЕРДЦЕ ДАНКО

Во время войны трудно угадать, куда забросит солдата судьба. Володя Бобрищев-Пушкин с флота попал в 43-ю гвардейскую Латышскую дивизию, в 125-й полк, в 4-ю роту.

Командовал ротой младший лейтенант Альфред Гайлиш. Разных командиров успел узнать Володя. Они относились к нему, как к сыну, старались уберечь от опасности, жалели его. А главное, все хотели, чтобы он учился, несмотря на войну, и вырос настоящим человеком.

Альфред Гайлиш был совсем молодой командир, только-только со школьной скамьи. В офицерском планшете он носил маленький томик рассказов М. Горького, своего любимого писателя. Во время коротких привалов лейтенант читал вслух стихи. Бойцы затихали, и Гайлиш рассказывал о горящем сердце Данко. Володя впервые услышал эту замечательную легенду. Все в роте знали её почти наизусть. И всё равно каждый раз просили своего лейтенанта снова прочесть о Данко.

Володя старался быть похожим на своего командира и даже начал тайком сочинять стихи, зная, что лейтенант увлекается поэзией.

*Гролом пушки грохотали,
Дыбились штыки —
От гвардейцев отступали
Вражьи полки.*

Это были его первые стихи. Конечно, он чувствовал, что были они не ахти какие, но зато боевые, так считал сам Володя, и бойцы в роте тоже вполне одобряли их.

Володя мечтал свои сочинения показать лейтенанту. Уж он-то сразу сказал бы, чего они стоят. Но Володя всё откладывал разговор. Шли бои, и Гайлишу, конечно, было не до него. Так он и не успел поговорить с лейтенантом о поэзии.

Это случилось 25 декабря 1944 года. Наши войска гнали фашистов из Прибалтики. Шёл второй день наступления. Фашисты сопротивлялись отчаянно, цеплялись за каждый клочок земли, за каждый посёлок.

Недалеко от Вильнюса, у деревни Бирзе, наступала и рота лейтенанта Гайлиша. Бойцы поднялись в атаку. И вдруг неожиданно взметнулась земля, потом снова. Бил вражеский миномёт.

Лейтенанту Гайлишу осколком оторвало правую руку. Обливаясь кровью, он упал на землю. Солдаты, оставшись без командира, растерялись и залегли прямо в поле, не имея никакого прикрытия. И тогда, преодолевая адскую боль, почти теряя сознание, поднялся Альфред Гайлиш. Левой рукой он зажал рану, из которой хлестала кровь, и встал во весь рост.

«Вперёд, за Родину!»—крикнул он из последних сил и, пробежав несколько метров, упал, изрешечённый пулями.

Но солдаты уже поднялись в атаку. Деревня была взята. После боя бойцы похоронили своего командира на братском кладбище. Над могилой поставили самодельный обелиск. Кто-то предложил написать слова из его любимой легенды. Из планшета бережно достали томик горьковских рассказов, снова перечитали легенду о Данко и начертали на обелиске слова:

«Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко,—кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер».

Володя заплакал, когда загремел оружейный залп в честь любимого командира, и только повторял про себя: «А потом упал и умер». Эти слова врезались в память на всю жизнь.

КРЕСТ ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА

На фронте Володя вступил в комсомол, как только ему исполнилось четырнадцать лет. С гордостью прикрепил комсомольский значок на солдатскую гимнастёрку. Справа у него был гвардейский. Гибель лейтенанта Гайлиша вызвала

ещё большую ненависть к врагу. Володя рвался в бой, хотя чувствовал, что командиры стараются «беречь» его и держат подальше от передовой.

Война шла к концу. Был уже январь 1945 года, и красноармеец Бобрищев-Пушкин переживал, что он так и не успеет совершить свой подвиг, о котором мечтал ещё в блокадном Ленинграде, лёжа без сна в тёмной промёрзшей комнате. Неужели ему не удастся сквитаться с фашистами за гибель бабушки, за свой Ленинград, за лейтенанта Гайлиша.

И этот день пришёл. Вот как сообщила о его подвиге фронтовая газета «Вперёд, за Родину» в заметке «Молодой воин-герой».

«Район боёв. Гвардии красноармеец Владимир Бобрищев-Пушкин — самый молодой воин во взводе разведки гв. лейтенанта Эдуарда Аболтыня. Во время артиллерийской обработки переднего края вражеской обороны Бобрищев-Пушкин обнаружил у проволочного забора трёх спрятавшихся в воронке немцев. Он вскинул автомат и выстрелом убил одного. Когда же началась атака, молодой разведчик засёк станковый пулемёт противника, мешавший продвижению нашей пехоты. Вооружившись гранатами, он прополз через свои боевые порядки к огневой точке и уничтожил её вместе с тремя гитлеровцами.

Гитлеровцы укрылись в старой бане. Она-то и стала огневой точкой. Володя подполз к дверям, выдернул кольцо из

гранаты, рванул дверь и швырнул гранату внутрь. В бане у пулемёта было трое немцев. Один в чёрном мундире сшитыми погонами обер-лейтенанта «СС». На груди у него поблескивал фашистский крест. Когда дым рассеялся, Володя снял с убитого крест. Это была офицерская награда — бронзовый крест с мечами II степени.

По документам выяснилось, что убитый — эсэсовец Роберт Экер, родом из Нюрнберга, член нацистской партии с 1933 года. Служил в охране лагеря Майданек. Крест получил за Россию весной 1942 года лично от Адольфа Гитлера.

Этого матёрого фашистского палача уничтожил ленинградский школьник, ставший бойцом».

За этот подвиг красноармеец Бобрищев-Пушкин был представлен к награде — ордену Отечественной войны II степени.

Командир отправил Володю в штаб с пакетом. Володя не знал, что в пакете лежит докладная о его подвиге и представление к награде.

У штаба он встретил мальчишку, своего ровесника. Тот, несмотря на мороз, был в лихо распахнутой шинели. Оказывается, расстегнулся он неспроста. На груди у мальчишки поблескивала новенькая боевая медаль. Он с вызовом двинулся к Володе.

— Стой! Куда идёшь?

— А ты кто такой? У меня срочный пакет.

— Я вестовой. Ну-ка, предъяви документы.

Володя оттолкнул нахально-го парня, хотя в душе, конечно, позавидовал его медали.

Встреча грозила закончиться дракой, но тут, к счастью, на крыльцо вышел офицер. Он сразу оценил обстановку и, подтолкнув мальчишек друг к другу, потребовал примирения. Приказ есть приказ. Боевые воспитанники, насупившись, пожали друг другу руки, как боксёры на ринге. Потом Володя мечтал встретить этого парня, чтобы пройти перед ним с орденом на груди.

Стало известно, что вручать ордена будут в Москве. В числе награждённых в столицу направили и гвардии красноармейца Владимира Бобрищева-Пушкина.

Для такого случая решено было обмундировать его во всё новое. Срочно сшили в интендантстве новенькую форму. Полковой сапожник, как в сказке, за одну ночь стачал отличные хромовые сапоги. В таких не стыдно и по Кремлю ходить.

И вот наконец Москва, Софийская набережная, наградной отдел. Усатый майор при входе потребовал пропуск с фотографией для прохода в Кремль. У Володи фотографии не было.

— Тогда не положено пропускать, — сурово отрезал майор.

И тут геройский красноармеец заревел, как самый обычный школяр.

Майор не ожидал такого оборота, растерялся и сразу размяк.

— Ну, будет, будет сырость тут разводиться. Москва слезам не верит. Давай твои бумаги. Идём к нашему фотографу, сделаем всё срочно, как полагается.

Расставались они друзьями. Усач долго инструктировал Володю, как вести себя в Кремле, когда будут вручать ордена. Он даже прорепетировал церемонию.

— Ну вот, представь, вручают тебе награду, что ты должен сказать на это?

Володя, не задумываясь, ответил:

— Скажу: «Большое спасибо!»

— Эх ты, — майор даже крикнул. — Это же не в столовой за обед благодаришь. Надо рапортовать: «Служу Советскому Союзу!» Запомнил? Смотри не опозорься!

Когда Николай Михайлович Шверник вручал ему орден Отечественной войны, Володя от волнения забыл всё на свете,

И вдруг словно увидел лицо усатого майора и сразу же громко воскликнул:

— Служу Советскому Союзу!

Николай Михайлович погладил Володю по голове и улыбнулся. После награждения к Володе подошёл дежурный офицер:

— Вас товарищ Шверник приглашает на чай.

За столом Николай Михайлович спросил:

— Ну-ка, по-честному, тебе сколько лет?

— Четырнадцать, — ответил Володя.

Шверник сказал сидящим вокруг:

— Да, вот что сделала война. Такие мальчишки отдали своё детство Родине. — Ну, а кем бы ты хотел стать?

Володя не задумываясь ответил:

— Морским офицером.

По распоряжению адмирала Исакова красноармеец Бобри-

шев-Пушкин был направлен в Нахимовское училище.

С тех пор прошло много лет.

В дни 20-летия Победы в Москве собрались ветераны войны. Пригласили туда и бывшего сына полка Бобрищев-Пушкина. Теперь его уже называют по имени-отчеству — Владимир Борисович.

В Москве произошла его встреча с Семёном Михайлови-

чем Будённым. Оказывается, он хорошо помнит деда Владимира Борисовича, который работал с ним в штабе Первой Конной армии.

Сейчас Владимир Борисович Бобрищев-Пушкин живёт в Днепропетровске, работает художником - декоратором. У него две дочери. Одна из них — Лиза, названа в честь бабушки Елизаветы Ивановны.

И хотя живёт он далеко от невских берегов, он по-прежнему всем сердцем с любимым Ленинградом. Когда приходится бывать в родном городе, Владимир Борисович часами ходит по его улицам и набережным, вспоминая своё далёкое военное детство. Он по-прежнему пишет стихи, и многие из них посвящены любимому городу.

Мой Ленинград,

Дворцы седые!..

Тебя я помню в дни войны:

Стволы зениток, часовые

И о гранит удар волны.

Теперь в садах резвятся дети,

Смотрю на них — их смеху рад!

Нам нужен мир, чтоб эти дети

Не знали ужаса блокад.

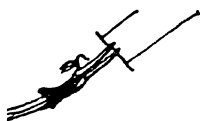

Несите портфели,
Авоськи и сумки!
Мы будем
придумывать
Наши придумки!

Зачем,
говорите,
Портфели и сумки?
А в чём вы домой
Понесёте придумки?

Гром решил
Громадный дом построить!
В нём
Радиостанцию устроить!
Чтобы все —
От неба до земли —
Слушать гром
По радио могли!

ЦИРК

Под куполом цирка
Гимнастки летали!
За ними
Внимательно
Львы наблюдали.
Рычали они для острастки:
— Не вздумайте падать,

гимнастки!

От лёгкого трения
Вспыхнула спичка!!!
— Такой воспитали...
Такая привычка...

А вы на себе испытали,
Какой
её
воспитали?

Капля дождя
Познакомилась с носом.
В меру веснушчатым,
В меру курносым.
Но поскользнулась
На спуске крутом!..
Страшно подумать,
Что было потом.

АВТОГРАД

...Я стоял у обочины шоссе и смотрел на пронесившиеся мимо почти с равными промежутками легковые автомобили. Это были необычные машины: с номерами, выведенными краской на дверцах кузовов, со включёнными днём фарами, да ещё шли они со скоростью, редкой для такой дороги. Я стал свидетелем авторалли — своеобразных состязаний машин и водителей.

В обычных автомобильных гонках выигрывает тот, кто, показав наибольшую скорость, первым причалит к финишу. В ралли иные условия, иные задачи. Здесь прежде всего требуется безупречная работа человека и машины. Контрольные пункты нужно проходить в строго установленное время. За каждую просроченную минуту начисляются штрафные очки. Побеждает тот, у кого их меньше.

У нас уже сейчас немало автомобилей. А очень скоро на дороги страны хлынет, без преувеличения можно сказать, целая армада — в 1975 году автомобильная промышленность произведёт 2—2,1 миллиона машин. Представляете, как важно, чтобы это были надёжные, удобные и безопасные машины. И чтобы их водители умели хорошо с ними обращаться. Ибо в опытных руках — автомобиль резвая, но смиренная лошадка, в неумелых — необъезженный да ещё к тому же взбесившийся мустанг. И бед он может натворить немало...

Автомобиль, не побоюсь банальности этого выражения, всё шире входит в нашу жизнь. Ну, представьте себе, если бы завтра вдруг по мановению волшебной палочки все автомобили исчезли из вашего города. Не стало бы автобусов и такси, фургонов, развозящих продукты, «скорой помощи»... Да что перечислять: жизнь бы остановилась! Стали бы заводы, опустели полки магазинов, почтовые ящики

переполнились письмами, — словом, мы уже не можем без автомобилей. Они стали неотъемлемой частью нашей жизни.

Автомобилей требуется всё больше и больше, причём различного назначения: и легковых, и автобусов, и грузовых, и специальных. Вот и решено в текущей пятилетке построить автоград — автомобильный город, да не один.

Первый уже построен, вернее его заканчивают строить. Это ставший широко известным ВАЗ—Волжский автомобильный завод в городе

Тольятти. Пусть вас не смущает то обстоятельство, что на карту здесь не поставишь кружка. Он уже стоит. Город-то существует, завод только в нём строится новый.

Вот волжское семейство автозаводов пополнится ещё одним... Хотел написать малышом, да вовремя удержался. Разве назовёшь так предприятие, а точнее целый комплекс заводов, на которых будут производиться трёхосные автомобили грузоподъёмностью 8—11 тонн, способные преодолеть любые дороги, и мощные дизельные двигатели к ним.

Место, где будет автоград, найти нетрудно. Проведите указкой по карте вниз от Казани до устья Камы, а потом поднимитесь по ней до городка Набережные Челны. Вот здесь мы и поставим ещё один кружок — будущего Камского ком-

Окончание. Начало в «Искорке» № 11 за 1971 г.

плекса автомобильных заводов, одного из крупнейших в мире.

Выбор этого места предопределён близостью к промышленной Казани и Волжскому автомобильному заводу в Тольятти, во-первых, тем, что здесь строителями Камской ГЭС уже создана индустриальная база, во-вторых...

Не знаю, сохранится ли за Набережными Челнами старое название, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что это будет большой благоустроенный город. Со всем непохожий на тот, о котором в

1885 году сообщалось в «Географическо-статистическом словаре Российской империи»: «Число жителей обоего пола—720 душ, 136 дворов, церковь, училище, водяная мельница, 18 лавок, базары по пятницам. Жители кроме хлебопашества занимаются бурлачеством».

ДНЕПР В КРЫМУ

Крым очень разный. Помню самое первое впечатление от знакомства с ним. Мы сошли на крымскую землю с борта теплохода в Ялте, и она сразу раскрылась перед нами нарядным курортным фасадом Южного берега. Здесь ласковое море, белоснежные здравницы, благословенный климат. Потом по пути в Симферополь лесистыми и узкими долинами мы пересекли крымские горы. Рядом маячили невысокие вершины, за ними угадывались обширные плоскогорья —

знаменитые яйлы. А от Симферополя на Феодосию через Старый Крым пролегла степная дорога. Тогда, поздней весной, степь была праздничной — алой от множества маков.

Но приходит лето, крымскую землю иссушает жажда. Северный — степной — Крым начисто лишён водоёмов. Со всех сторон окружает этот сравнительно небольшой полуостров вода, да только горькая — морская. А его земле, как любой другой, нужна пресная, живая вода.

Древняя мудрость гласит: «Лучше сделать плодородными шесть четвериков засушливой земли, чем выиграть 24 сражения». Давно мечтали крымчане о большой воде. Но где её взять?

И снова обратимся к карте. Найдите в низовьях Днепра Каховское море. Нашли? А теперь отыщите города Красно-Перекопск, Джанкой, Феодосию, Керчь. Проведите от Каховского моря через эти города линию. Вы получите трассу Северо-Крымского канала.

Его сооружение началось ещё в 1961 году. Третьим штурмом Перекопа называли тогда развернувшиеся у порога Крыма земляные работы. Третьим — потому что строительство это здешние жители по праву сравнивают с военными штурмами перекопских твердынь во времена гражданской и Великой Отечественной войн. И ещё — само строительство, его размах, темпы тоже напоминают боевые действия. По безлюдной выжженной степи движутся отряды бульдозеров, скреперов, тракторов. Там, где они проходят, остаётся русло канала. Лихо работают бульдозеристы! Всё глубже и глубже вгрызаются они своими машинами в выемку, ложе канала.

Всё дальше на восток уходит русло канала, всё ближе к Керчи днепровская вода. Канал — он не имеет себе равных на Европейском континенте — достигает 402 километров в длину, при 140 метрах ширины и 6 метрах глубины. Но канал — это ещё 130 насосных стан-

ций, которые помогут управлять искусственным потоком. От главного русла отходят отводные каналы — Рисово-Раздольненский и Рисово-Азовский — по 46 километров каждый. К хозяйствам, где рельеф сложный и распределительные системы не проведёшь, вода поступит по стальным трубам. В районе канала проложат около 400 километров асфальтовых и бетонных дорог, на 1200 километров протянут линии высоковольтных передач.

Канал буквально переродит степь. Пройдя от Перекопа через Джанкой и Владиславовку до Керчи, он обводнит весь Крым от Сиваша до Каркинитского залива, от Казантина до мыса Лукула. Феодосия, где в жаркое время воду развозят в автоцистернах, Евпатория и Керчь, где тоже плохо с водоснабжением, наконец-то получают в достатке живительную влагу. Над каналом парят морские чайки. Зеленеют молодые сады, бесконечными рядами раскинулись новые виноградники. Вода, всё больше растекаясь по степям и предгорьям, несёт людям достаток.

Работа мелиоратора, виноградаря, рисовода требует высокой квалификации. Вот только один пример — совхоз «Пятиозерный». Расположенный в полынной степи, он занимался в основном овцеводством. На скудных солонцовых пастбищах ходили отары. Что ни год, то убытки. А теперь это высокоприбыльное хозяйство. Кудесник, совершивший в кратчайший срок такие разительные перемены, — вода. Благодаря воде на солонцах, где даже трава не росла, на пустынных землях — урожайные рисовые поля.

...Пройдёт несколько лет, и человек, часто бывавший в Крыму, не узнает округи. Ещё до того, как блеснёт перед ним ослепительная полоска моря, он насладится мягкой прохладой тенистых садов степной полосы, отведаёт отменного винограда. И всё это сделает рукотворная река, созданная трудом и волей человека.

СИНЕГОРЬЕ

Зимой 1969 года от берегов Вилюя в якутскую тайгу выступила необычная колонна. Шли тяжёлые самосвалы, тракторы, экскаваторы, бульдозеры — вся техника, освободившаяся после постройки Вилюйской ГЭС. Шли на восток по дорогам и без дорог, по зимникам и рекам, преодолевая глубокие пропасти и взбираясь на крутые косогоры, завязая в сугробах и проламываясь сквозь чашобу. Шли, ориентируясь по компасу и карте. Путь предстоял немалый — 3,5 тысячи

километров! — к посёлку Дебин на берегу другой сибирской реки — Колымы.

Колонна дошла без потерь. Так было положено начало «Колымагэсстрою».

Колыма... Ещё её называют золотой. В недрах этого далёкого и сурового края таятся несметные природные богатства. Особенно известны золотые прииски. Однако, если бы вам пришлось на них побывать, кое-что вас явно бы разочаровало. На некоторых приисках многие операции выполняются вручную, явно не хватает механизмов. И не только потому, что их трудно сюда завезти: на многие сотни километров — безлюдные просторы тайги, тундры, бурные порожистые реки, непроходимые горы, вечная мерзлота... Чтобы оживить это ледяное безмолвие, дать свет и тепло посёл-

кам, заставить вращаться машины, нужна дешёвая электрическая энергия.

Её-то и даст Колымская ГЭС, первые агрегаты которой решено пустить в 1975 году. В Директивах XXIV съезда партии по девятому пятилетнему плану об этой гидроэлектростанции сказано лишь: «Приступить к строительству...»

Но уже 4 года назад, после того как изыскатели в самом грозном течении Колымы, где река сужается до 120 метров, выбрали у Большого порога место под будущую плотину, здесь высадились экспеди-

ции ленинградских проектировщиков. Учёные стали досконально исследовать колымскую землю, взрывать скалы, бурить её недра, пробивать штольни в вечной мерзлоте. Как поведут себя разные почвы в непривычных для них условиях соседства с высотной плотиной и водохранилищем? На этот и многие другие вопросы нужно было дать вразумительные ответы.

И вот на крохотных уступах, врезаемых в скалы, поставили буровые станки, заботливо прикрыв их будками-тепляками. Так изыскатели прощупывали недра.

А мерзлотники большую часть рабочего времени проводили в штольне, стенки которой обросли ледяными кристаллами. Вечная мерзлота — коварный и опасный враг, затаившийся до поры до времени. Никто пока не может точно

сказать, когда она перейдёт в наступление.

Колымская ГЭС будет сложным инженерным сооружением. Путь бешеному течению реки преградит каменно-набросная плотина высотой 130 метров. Гидростанцию решено строить в подземном варианте. Её машинный зал врежут в скалы. Это облегчит работу строителей. Ведь работы ведутся на многолетней мерзлоте, летом досаждают резкие колебания уровня реки, зимой морозы — нередко они достигают 50—60 градусов — и штормовые ветры. Чтобы пропустить паводок, проложат огромную железобетонную трубу.

Рядом со строительной площадкой будущей ГЭС на земле, покрытой мхом и хилым лиственником, возвели посёлок с поэтическим названием — Синегорье.

...Найдите Дебин и чуть ниже его по течению Колымы поставьте кружок. Это и есть Синегорье. Здесь вспыхнет и засияет над Колымой электрическое солнце, зажжённое новой гидростанцией.

В ДОРОГУ? А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ!

Вот и закончилось наше путешествие по карте Родины. Не знаю, как вам, ребята, а мне самому очень захотелось побывать в тех местах, которые мы с вами пока обозначили условными значками: где линией, где кружком, а где и якорьком. И в жарком Крыму, куда устремились прохладные воды Днепра, и в тюменской тайге, впервые услышавшей гудок тепловоза, и на Каме, которая ни в чём не хочет отставать от старшей сестры своей Волги, в том числе и от её автомобильной славы, и на порожиистой Колыме у основателей Синегорья, и, конечно же, в бухте Врангеля, на берегу Великого океана...

Очень возможно, что журналистская судьба приведёт меня на какую-нибудь из этих поистине уникальныхстроек. Ведь в наше время даже самые отдалённые из них за-

метно приблизились. В начале века — во времена Антона Павловича Чехова, совершившего, как известно, путешествие на Сахалин, — для поездки на Дальний Восток требовались месяцы, в тридцатых годах — недели, сегодня — уже только несколько суток. А когда в ближайшем будущем на пассажирские линии выйдет новый флагман Аэрофлота — сверхзвуковой самолёт «ТУ-144», он доставит вас из Москвы в Хабаровск в фантастически короткое время — за три часа. Словом, и отдалённость уже не преграда.

Но не собирайтесь завидовать. Наоборот, это мне немножко грустно, что в таких невероятно интересных местах доведётся побывать, в лучшем случае, залётным гостем. Прилетишь, только познакомишься, подружишься с тамошними строителями, войдёшь в курс их трудных и увлекательных забот, как уже надо возвращаться.

А вот вы куда в лучшем положении! Окончите школу, и, кто знает, может, позовут вас большие дела. Конечно, дел много и рядом, не обязательно отправляться за тридевять земель. Но кто захочет, вступая в самостоятельную жизнь, понастоящему проверить себя — на что способен, закалиться, не бояться лишений, не хныкать, тому мой совет — собираться в дорогу. Благо большинство этих строек объявлено всесоюзными ударными комсомольскими. Только в нынешнем году более 50 тысяч посланцев комсомола наденут спецовки строителей.

И если вас отделяет от такого путешествия ещё несколько лет, не огорчайтесь. К тому времени, когда вы окончите школу, на карту Родины можно будет нанести новые условные значки ещё более прекрасных городов, крупных заводов, мощных электростанций.

Вам их строить. Вам вносить новые поправки в географию,

Федот в карете

Пригласил богач Тараса
В свои владенья
Рисовать жену и дочку
Всем на удивленье!

Шлёт за ним свою карету
И коней что надо,
Чтоб скорей иметь портреты
Жёнушки и чада!

Вот Тарас в карете панской, —
Сзади пыль клубами!
Видит: едет воз крестьянский,
Запряжён волами.

Крепостной лежит в телеге —
Парень, видно, больной,
Побыстрее ему помочь бы,
Да волю не скоры!..

Парень тот зерно для пана
Вёз на мукомолье,
А горячка подкосила,
Как былинку в поле...

Тут кивнул Тарас вознице:
— Пусть потерпят дамы,
В экипаж его возьмите,
Ну, а я — волами!

Кони панские к усадьбе
Бедняка примчали,

Там карету оркестранты
Тушем повстречали.

Вышел пан —
 стремится первым
Свидетель с поэтом,
А за ним жена и дочка,
Каждая с букетом!

— К нам художник
петербургский! —

Обе за ворота,
И встречают в экипаже...
Бедняка Федота...

Всё Тарасу рассказали,
Как в усадьбе вышло,
Как помещики Федота
Повстречали пышно.

Улыбается Шевченко:
— Что ж, хоть раз в поместье
Трудового человека
Принимали с честью!

Разница

Богатый дом весельем дышит,
И праздничный сверкает зал.
А в кухне всё пытит и пышет —
Дворянство прибыло на бал!

— Меня вы, право, извините,
Но я задам вопрос такой:
В чём есть различие, скажите,
Меж человеком и... свиньей?

— Смотрите в корень тут,
Ест человек, когда захочет,
Свинья — когда ей подадут!

Перевёл с украинского
Вилен БОРИСОВ

В парке

Лишь один Петько
стоял —
Резал ножиком
дубок...
Он по парку не гулял,
Он прогуливал урок.

Никогда не поздно

Рис. Г. Ясинского

Глава V С А М Б О

С Женей Юла виделся часто, почти каждый вечер. Но рассказывать ей о борьбе Юла теперь остерегался. Помнил: однажды, когда он заговорил о тренировке, Женя глянула с такой усмешкой...

Зато слушать Женю было очень интересно. И вообще она была хорошая. И всё понимала, получше другого мальчишки. Всё, кроме борьбы.

Окончание. Начало в „Искорке“ № 7 за 1971 г.

Однажды Юла и Женя отвели Кванта, но вечер был такой хороший — решили ещё часок побродить.

Прошли по своему родному Васильевскому острову, по Третьей линии, и вскоре вышли на Неву.

Это было их любимое место. Здесь, на гранитной набережной, между двумя мостами — Дворцовым и Лейтенанта Шмидта, — могли они стоять подолгу, глядя на широкую, спокойную реку.

— А знаешь, недавно был удивительный случай, — задум-

чиво сказала Женя. — Возле одной школы посадили ирисы. Потом решили эту площадку залить асфальтом. Ну, так и сделали. А весной — ты только подумай! — сквозь асфальт пробились ирисы. Нет, представь! Тоненькие, нежные зелёные росточки — и такая сила, такое упорство! Пробили асфальт!..

Юла кивнул. Да, эта история была ему очень по душе.

Вскоре Юла и Женя повернули к дому. Они были уже совсем близко от него, когда навстречу выдвинулись из темноты трое. Один — высокий, двое — пониже.

— Когда зажётся красный свет, остановись — прохода нет! — сказал высокий.

Это был Витька Башня. Двух других парней Юла не знал.

— Ну, — сказал Башня. — Сочтёмся, Цезарь?

Женя быстро сделала два шага вперёд и стала, как бы загородив собой Юлу.

— Хулиган! — крикнула она Витьке. — Как не стыдно?! Втроём на одного!

— Ничего! Он у нас чемпион! Он сильный. Он за слабых заступается. Вот пусть теперь за себя заступится. Ну? Проси прощенья, Цезарь.

Юла молчал.

На улице было пустынно.

— Значит, не хочешь? — сказал Башня. — Ну ладно. А ты, барышня, отойди.

— Нет! — крикнула Женя.

— Отойди, Женя, — сказал Юла.

И вдруг сам в два прыжка

отскочил в сторону. Он оказался как бы на левом фланге у Витьки и его друзей.

Это было важно. Теперь они стояли перед ним не слитной группой, а как бы сбоку, шеренгой, по одному.

Крайний из них — рябой в мичманке парень, — вероятно, решил, что Юла убегает, и бросился за ним. Этого и ожидал Юла.

Парень взмахнул кулаком, но Юла сделал какое-то быстрое движение, и рябой, коротко вскрикнув, рухнул на землю.

Всё произошло так стремительно: ни Женя, ни Витька Башня даже не поняли, как это случилось.

А меж тем Башня уже приблизился к Юле.

И вдруг — ловкая резкая подсечка ногой. И одновременно — мощный толчок в грудь. Громадный Башня тоже очутился на асфальте. Он, вероятно, здорово ударился: так и остался лежать не шевелясь.

Но тут Женя тревожно вскрикнула:

— Юлий!

Юла обернулся. Сбоку на него кинулся третий противник. Теперь Юла узнал его. Это был Кешка. Только в каком-то странном пальто и низко надвинутой кепке. В руке у Кешки чернело что-то короткое, тяжёлое. Кажется, обрзок металлической трубы.

— Брось! — крикнул Юла.

Но Кешка замахнулся...

И опять всё произошло мгновенно. Мелькнула рука Юлы, он чётко перехватил

в воздухе Кешкину руку, резко повернул, словно сломал её...

Со звоном брякнулся на асфальт тяжёлый обрезок трубы. А через секунду на панели оказался и сам Кешка. Юла перебросил его через себя, и тот воткнулся в асфальт головой.

Юла оглянулся. Нет, схватка ещё не кончилась. Рябой в мичманке, который напал пер-

вым, очевидно очнулся и кинулся к обрезку трубы.

— Стой! — крикнул Юла.

Одним прыжком он настиг рябого и подножкой опять сбил его на асфальт.

Теперь лежали все трое.

Юла, не спуская с них глаз, поднял обрезок трубы. Тот был с полметра длиной, судя по весу, — свинцовый.

— Пошли! — сказал Юла Жене.

Она кивнула.

И вдруг — это было так неожиданно! — слёзы брызнули из её глаз. Именно брызнули.

Юла растерялся. Он никогда не видел Женю плачущей. И вот ведь странно: всю драку так стойко держалась. А теперь, когда всё уже кончено...

— Женя... Ну, Женя... Ну, не надо, Женя... — как маленькую уговаривал её Юла и тихонько поглаживал ладонью по голове. — Пойдём, Женя.

— Да, да, пойдём, — вытирая красные, опухшие глаза, заторопилась Женя. — Фу, какая дурёха! Разревелась...

Они быстро зашагали к дому. Юла иногда оглядывался. Он видел, как встал Витька Башня и стоял, обеими руками ухватясь за голову. Потом поднялся парень в мичманке. И только Кешка всё ещё лежал на панели...

— Герой! — сказала Женя, когда они поднялись по лестнице и остановились у её квартиры.

Женя жила на третьем этаже, Юла — на четвёртом.

Глаза у Жени всё ещё были набрякшие. И нос тоже опухший. Но Юле она сейчас казалась почему-то особенно красивой и родной.

— В самом деле герой! — вглядываясь в лицо Юлы, повторила она. И её чуть охрипшем после плача голосе было и уважение, и удивление.

— Как это ты? Всех троих!

Юла пожал плечами. Коротко ответил:

— Самбо.

Женя не поняла.

— Изучал самбо, — пояснил Юла. — Самооборону без оружия. Как видишь, может пригодиться.

Глава VI

НЕЗРИМАЯ ДУЭЛЬ

Странные отношения сложились у Юлы с Андреем Рамзаем — тем новичком, который поступил в спортшколу одновременно с ним и потряс всех своей красивой фигурой. Тем Рамзаем, про которого тренер сказал: «Аполлон плюс Геркулес».

Это было года три назад. Юла тогда был ещё хилым Юлькой Заморышем. И Рамзай не обратил на него никакого внимания.

Шли дни. Юла был первым в своём полулёгком весе. Рамзай — первым среди средневесов. И хотя они никогда не встречались и не могли встретиться на ковре, **меж** ними шёл как бы поединок, как бы незримая дуэль.

Юла видел: Рамзай теперь украдкой приглядывался к нему. И на тренировках, и на соревнованиях. Будто изучает его, отыскивает слабинку.

К чему бы?

— Ревнует! — однажды шепнул Юле Игнат Васильевич после того, как Рамзай отошёл от ковра, где боролся Юла.

Юла пожал плечами. А чего ревновать-то? Что он — чемпион СССР?

— Ленив наш Аполлон, — пояснил Игнат Васильевич. — А это в спорте — самая гибель. Впрочем, не только в спорте.

И он опять повторил свою излюбленную присказку:

— Человек себя лепит.

Иногда Юла и Рамзай вместе возвращались после тренировки. Благо жили они по соседству.

— А ты поменьше тренируйся, — как-то сказал Юле Рамзай. — Если все кроссы, да все зарядки, да все упражнения по-честному делать! — он присвистнул. — Ого! Тогда и про кино забудь! И про телевизор!

Юла покачал головой. Трудно, конечно. Но сокращать тренировки нельзя. Нет, ни в коем случае.

— Тут выход один, — сказал Юла. — Я расписал весь день, чтобы ни минутки зря не пропало. Только так!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ человек — Игнат Васильевич! Чем больше Юла общался с ним, тем сильнее привлекал его к себе молодой тренер.

А казалось бы, почему? Ведь он вечно выискивал в Юле какие-то новые и новые недостатки. Именно выискивал. Будто нарочно. Будто Игнат Васильевич только и думал: к чему бы ещё придраться?

Казалось бы, всё идёт у Юлы хорошо. И на тренировках. И на состязаниях. И 1-й разряд получил. И режим соблюдает. И всё прочее.

А тренер молча глядит-глядит своими цепкими всевидящими глазами, а потом вдруг заявит:

— Шея...

И такой жест сделает, будто — нет, милый, не хотел я говорить, портить тебе настроение, да ничего не попишешь, вынужден сказать, жидковата у тебя шея.

И начинается... На каждом занятии теперь Юла подолгу стоит на мосту. И не просто стоит, а посадит себе на грудь какого-нибудь парня поувесистей и раскачивается. У борцов это называется «качать шею».

Трудно это. Однообразно. И надоедливо. Но необходимо. Шея крепнет, становится железной.

Дома тоже. Каждый день — мост. Хоть четверть часа, но непременно каждый день. И не вздумай обмануть тренера. Всё равно не удастся. Игнат Васильевич всё видит.

Ты стоишь на мосту, а он подойдёт, сядет тебе на грудь, как на диванчик, сидит, байки рассказывает.

— Эго что! — говорит. — Вот раньше были борцы. В цирках выступали. Такие номера показывали!

Сидит Игнат Васильевич на Юле, покачивается. Мягко ему, удобно. Неторопливо рассказывает:

— А был такой борец Николай Разин. Он стоял на мосту, а на грудь ему клали деревянную площадку, а на площадке оркестр усаживался. Семь человек! И играл оркестр венский вальс. Вот так-то!

«Семь человек!» — думает Юла.

Тут один сидит, и то чувствительно! А то — семь!

Укрепляет Юла мост, а тренер всё приглядывается. Опять что-то выискивает.

— Да... — говорит, — пальцы...

Глава VII

МУЖЕСТВО И ПОДЛОСТЬ

Зарядку они теперь снова делали вместе. Юла и Григорий Денисович. Когда они первый раз после такого долгого перерыва вместе вышли утром во двор и дружно стали прыгать через скакалку, даже дворничиха тётя Шура заулыбалась.

— А то я всё чую: что-то вроде бы не так. Непорядок какой-то на дворе. А выходит, вот оно чего не хватало!

Однажды утром, кончив зарядку, Григорий Денисович сказал Юле:

— А у меня для тебя есть новость.

Сказал внушительно, таинственно.

— Какая? — загорелся Юла. Вечером Григорий Денисович открыл ящик письменного стола, вынул газету.

— Читай. Жена принесла.

Юла посмотрел: «Медицинский работник». Чего ему читать-то? Что он в медицине понимает? Он растерянно посмотрел на Григория Денисовича. Тот усмехнулся:

— Читай!

Юла просмотрел первую страницу, потом вторую.

— Нет, не туда глядишь.

Григорий Денисович перевернул газету.

На четвёртой странице красным карандашом была жирно обведена статья «Спорт и здоровье». Статья большая: три длинных столбца.

Юла стал читать.

«Давно известно: спорт и здоровье идут рядом» — так начиналась статья. Дальше автор рассказывал, как полезно заниматься спортом, как укрепляет он здоровье. Всё это было скучно, давно известно.

— Брось ты изучать подряд всё это, — сказал Григорий Денисович. — Вот смотри... — И он ногтем отчеркнул один абзац.

Юла прочитал:

«Или вот такой пример. Несколькими годами назад к нам пришёл тринадцатилетний Ю. Богданов. У мальчика был давний миокардит. Врачам требовалось решить: можно ли допустить к спортивным занятиям этого подростка. После тщательного обследования мы смело пошли на риск. И он полностью оправдался. Сейчас Юлий Богданов борец I разряда, с совершенно здоровым сердцем...»

— Дальше не стоит, — сказал Григорий Денисович. — Ну, как?

Юла был поражён. Он так растерялся — даже не мог говорить.

— А кто это писал? — наконец спросил он.

— Э-эх! Главного и не заметил! — Григорий Денисович ногтем подчеркнул подпись под статьёй: «П. Кочетов».

— П. Кочетов? — повторил Юла. — П. Кочетов?

Была эта фамилия как-то знакома... Но кто—Юла вспомнить не мог...

И вдруг... Как фары ночью на шоссе внезапно выхватили из тьмы табличку. Да, на дверях в поликлинике: «Врач П. Кочетов».

— Врач П. Кочетов! — заорал Юла. — Неужели тот самый?

— Именно!

— Ну и жох! — Юла аж вскочил. — Ну и стервец!

— Да! — засмеялся Григорий Денисович. — Ловкач! «Мы смело пошли на риск». А помнишь? «Принесите заключение из академии и обязательно с двумя подписями и печатью. Впрочем, сомневаюсь, сильно сомневаюсь, чтобы вам дали такую бумагу...»

Григорий Денисович голосом очень похоже передразнил того врача.

— Ну и подлец! — продолжал возмущаться Юла. — Это ж надо: какой подлец!

В тот вечер Юла ещё долго сидел у Григория Денисовича.

Мария Степановна накрыла на стол, и все втроем стали пить чай. Мария Степановна всё подкладывала Юле на тарелочку: то кусок пирога, то конфету, то печенье, сделанное по какому-то особому рецепту — с орехами и мёдом.

— Ты хвали, хвали громче; — подмигнул ему Григорий Денисович, когда жена вышла на кухню. — Она это ужас как любит!

И Юла хвалил. А чего не похвалить? Ведь в самом деле очень вкусно.

Глава VIII

ПЕРВЕНСТВО ЛЕНИНГРАДА

Юла, готовый к схватке, сидел на скамье неподалёку от ковра и ждал, когда судья-информатор объявит его фамилию.

Сейчас начнётся его последняя встреча. И если он выиграет... О, если выиграет, тогда он — чемпион Ленинграда! Правда, среди юношей. Но всё-таки чемпион.

Юла зябко ёжился: его бил озноб. Мелкая, почти незаметная дрожь то и дело пробегала по телу.

Волновался он? Ну конечно! Но не так чтоб уж очень... А дрожь вот никак не унять.

Его противник Ариф Шарифутдинов стоял у стены по другую сторону ковра. Он был прочно сбит, этот Ариф. Смуглый, с широко расставленными глазами и крутыми скулами. А крепкие ноги словно вросли в пол.

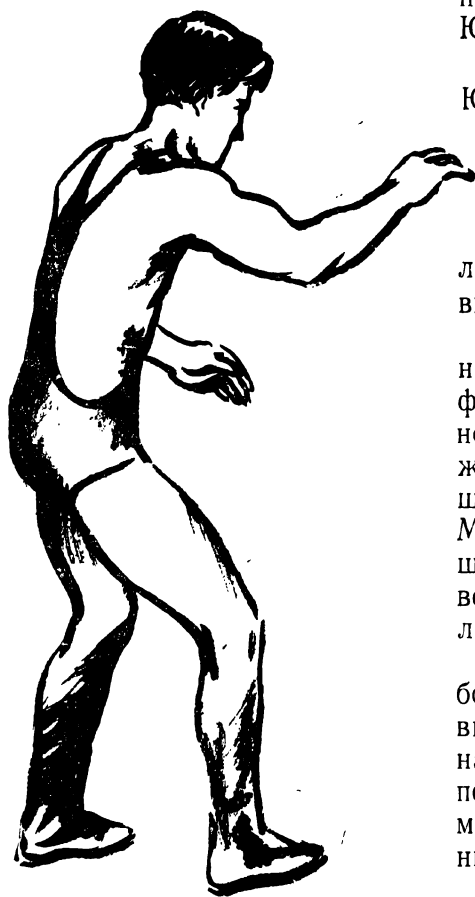
Юла старался сосредоточиться. Последняя схватка...

Он знал: Ариф любит атаковать. Смело и яростно штурмует противника. Важно устоять в первые минуты схватки. И ещё: атака — это всегда риск. Опытный борец отлично понимает это. Атакующий на миг как бы раскрывается, теряет устойчивость. Правда, это длится всего мгновение. Но вот эту секунду и надо исполь-

зывать. На этом Юла и строил план будущей схватки. Тем более, что Ариф горяч не в меру и иногда в пылу атаки теряет контроль над собой...

...Раздались аплодисменты.

Кончила бороться очередная пара. Судья за столиком, наклонившись к микрофону, объявил:

— На ковёр вызываются борцы полулёгкого веса Ариф Шарафутдинов и Юлий Богданов.

Ну, наконец-то! Юла встал, шагнул к ковру. Вот и наступила минута, которую он так ждал.

Он скользнул взглядом по галерее, по лицам болельщиков. Сейчас они сливались в сплошную ленту. И вдруг... Юла даже не поверил... Среди болельщиков, в углу, он увидел Женю!

Да, да! Конечно, это Женья! Её косы! И такое знакомое, коричневое с круглым воротником платье. Уж кто-кто, а Юла не мог ошибиться.

Это было так неожиданно. Юла даже замер...

Юла шагнул на ковёр, дошёл до середины, пожал руку Арифу.

Теперь противники стояли лицом друг к другу, вытянув вперёд длинные ищущие руки.

Юла больше не думал о Жене. Теперь он видел лишь Арифа, только Арифа, его наклонённую вперёд коротко стриженную голову, его серые решительные глаза, его руки. Мягкие, расслабленные, они шарили по его плечам, и голове, и спине. Будто что-то искали.

Непосвящённые в тайны борьбы обычно удивляются, видя, как два борца, вот так, наклонив головы, как быки, почти касаясь друг друга лбами, мягко шарят расслабленными, ищущими руками.

И вот так противники топчутся на ковре и десять секунд, и двадцать, и тридцать...

Неопытный зритель думает: что за ерунда? Почему они медлят?

Такой зритель не замечает, что уже идёт скрытый, очень напряжённый поединок. Длинные, ищущие руки — это раз-

ведчики, они пробуют: нельзя ли ухватиться за плечо, за руку, за шею или за голову противника? Ухватиться и провести приём.

Юла, весь собранный, внимательный, ждал. Он знал: Ариф не выдержит этого огромного нервного напряжения. Ещё несколько секунд, и он «взорвётся», кинется в атаку.

Так и случилось.

Рука Арифа вдруг резко скользнула вниз, и весь он мгновенно подался вперёд, пытаясь ухватить Юлу и бросить через бедро.

Но Юла успел на какую-то долю секунды опередить Ари-

фа. Едва тот кинулся вперёд, Юла молниеносно перехватил его левую руку. Оторвал Арифа от ковра и швырнул через себя.

Зрители захлопали, закричали.

Бросок был красивый. Он дал Юле очко, но чистой победы всё же не принёс: гибкий, словно весь сплетённый из мускулов, сухощавый Ариф извернулся и избежал поражения.

И снова они топтались на ковре. Но теперь Юла знал: долго это не протянется. Ариф уже весь кипит.

Ну, конечно! Вот Ариф опять рванулся в атаку. И опять Юла мгновенно поймал этот его рывок и контрприёмом поставил Арифа на мост.

Зал загудел. Это было уже опасно.

Юла навалился сверху на Арифа, пытаясь сломать мост, дожать его. Но мост был крепкий. Юла знал это. Ариф славился своим мостом. Однако поманежить его в таком положении было очень неплохо. И Юла жал и жал, не давая противнику передышки, изматывая его.

Наконец Ариф всё-таки изловчился и вскочил на ноги.

Юла тут же снова атаковал его. Нет, теперь уже Юла не выжидал! Теперь Юла непрерывно штурмовал, а обессиленный Ариф в поисках спасения то прижимался грудью к ковра, то уползал за край его. И судья вынужден был останавливать схватку, воз-

вращать борцов на середину ковра.

Казалось, Ариф готов исчезнуть, бежать, лишь бы избежать крепких объятий Юлы.

Но вот — настал момент... Пружинистое тело Юлы вдруг в молниеносном рывке устремилось назад, увлекая за собой Арифа. Бросок! И тут же — резкий свисток судьи.

Ариф — на лопатках.

Зал взорвался криками и аплодисментами.

— Победу одержал Юлий Богданов за четыре минуты двадцать одну секунду! — объявил в микрофон судья-информатор.

Юла пожал руку Арифу и медленно сошёл с ковра. Только сейчас почувствовал он, как страшно устал. Всё тело словно налилось тяжестью. Ноги еле ступали.

Юла обернулся, взглянул туда, где сидела Женя. Её место было пустым. Впрочем, пустым оно оставалось недолго. Тут же, на глазах у Юлы, на это место перебирался сзади какой-то широколицый парень в цветастом свитере.

Юла так и не понял, куда же делась Женя. Или всё это померещилось ему? И никакой Жени вовсе и не было?

Возле двери на плечо Юле тяжело легла чья-то рука. Юла обернулся. Это был Андрей Рамзай. В серой ворсистой куртке с длинной «молнией» и таких же серых плетёных туфлях он выглядел очень здорово.

— Поздравляю! — сказал Андрей. — Желаю и в дальней-

шем таких же блистательных побед!

Голос был сухой и странно противоречил смыслу произносимых слов.

Впрочем, Юла не удивился. Он знал: Андрей в своём весе занял третье место. Андрей Рамзай — Аполлон плюс Геркулес — и всего лишь третье место! Для него это, конечно, тяжкий удар.

— И тебе желаю удач! — сказал Юла.

— Где уж нам уж! — усмехнулся Андрей.

Стараясь сохранить улыбку на лице, он кивнул и ушёл.

«Незримая дуэль», — вспомнил Юла Григория Денисовича.

Да, если и впрямь была дуэль, выходит он, Юла, победил.

И ещё одна встреча произошла у дверей раздевалки. Юла вдруг увидел Григория Денисовича! Это было так неожиданно. Только что Юла вспомнил его слова о «незримой дуэли» и вот, нá тебе, он сам! Значит, он был в зале? Наблюдал за схваткой. Почему же вчера не сказал, что придёт?

— Не хотел волновать тебя, — словно отвечая на невысказанный вопрос Юлы, улыбнулся Григорий Денисович. Он засмеялся.

— А как нога? — спросил Юла.

В последние дни, то ли из-за погоды, то ли ещё по какой причине, нога у Григория Денисовича так разболелась, что пришлось отменить зарядку.

— Нога лучше. А тебя по-
здравляю. Превосходный бро-
сок! Клянусь — превосходный!

Он крепко обнял Юлу за
плечи и привлёк к себе.

— Нынче ты первый раз
станешь на верхнюю ступень-
ку пьедестала. Уверен: пер-
вый, но не последний!

Он ещё крепче прижал к се-
бе Юлу.

— Кончился Юлька Замо-
рыш, — торжественно провоз-
гласил Григорий Денисович. —
Да здравствует Юлька Бога-
тырь!

Глава IX

БОГАТЫРЬ

(Вместо эпилога)

Самолёт летел беззвучно,
без качки и тряски, и Юлию
иногда казалось, что они вовсе
и не летят. Так, висят, как
большая красивая игрушка на
какой-то невидимой верёвочке.
И хотя Юлий отлично знал,
что их «ТУ-104» покрывает ты-
сячу километров в час, он всё-
таки не мог избавиться от это-
го ощущения неподвижности.

Юлий откинулся на мягкую
спинку кресла и прикрыл гла-
за.

Итак — в Турцию.

Вспомнилось, как председа-
тель городского комитета физ-
культуры на торжественных
проводах сказал:

— Вскоре новый чемпион
Советского Союза Юлий Бог-
данов впервые выступит за
границей. Мы надеемся, он
оправдает надежды своих зем-
ляков.

Да, надо «оправдать на-
дежды».

Но турки — прославленные
борцы, одни из сильнейших в
мире...

Юлию вдруг вспомнилось
детство, гремющий, сверкаю-
щий цирк. И огромный, как
гора, Али Махмуд-хан. Вот он
несёт шест, а на обоих концах
висят гроздьи людей. А вот со-
гнул железный прут, толстый,
как лом. Согнул и завязал
узлом.

Юлий усмехнулся. А что? Не
будь тогда этого турка, может,
и его, Юлькина, жизнь повер-
нула бы совсем на другую ко-
лею?

А впрочем... Что старое во-
рошить?

Юлий тряхнул головой.
Плотнее закрыл глаза. И тот-
час увидел Ленинградский
аэропорт. Он берёт на руки
сынишку. Своего трёхлетнего
Гришука.

— Ну, полетим?

И подкидывает его. Высоко-
высоко. Гришук визжит: то ли
от страха, то ли от восторга.

— Палитим! — храбро орёт
он.

И снова взлетает высоко-вы-
соко.

— Осторожно! — пугается
Женя.

Она всегда пугается, когда
Юлий вот так забавляется с
сыном. Бегаёт, посадив кара-
пуза на плечо, учит его кувыр-
каться, висеть на перекладине.
И подтягиваться. Да, да! Ма-
лыш уже подтягивается. Ну,
вернее, старается подтянуться.

Не зря ведь его называли Гри-
шей: в честь Григория Денисо-

вича. И его волшебного совета: «Пятнадцать — утром, пятнадцать — вечером».

А что? Гришук, наверно, тоже вырастет силачом. Уж он, Юлий, постареется. Часто он говорит сыну:

— Ну, гляди, Гришук!

Берёт гвоздь и коротким резким ударом руки вгоняет его в доску. По самую шляпку.

Гришук сперва смотрел недоверчиво. Как так? Без молотка?.. Прямо рукой?

А теперь Гришук, собрав своих приятелей, то и дело тащит отцу гвозди.

— Ну-ка, пап!

И отец рукой вколачивает их. Один, другой, третий. А Гришук восторженно хохочет, заливаясь. И гордо смотрит на ребят.

Но ещё больше Гришуку нравится, когда отец рвёт цепи. Как-то на улице Юлий подобрал железную цепь.

— Оп-ля!

Рванул — и цепь пополам... Сын аж глаза выпучил от изумления. С тех пор все его знакомые мальчишки волокут цепи откуда только могут. И Юлий рвёт их ко всеобщему восторгу.

...Юлий открывает глаза, глядит в иллюминатор, но под крылом самолёта по-прежнему белая пустыня, а наверху — прозрачное, светло-зелёное, без единой морщинки небо. Словно летят они над Северным полюсом, а не в знойную Турцию.

Юлий нажимает рукоятку, спинка кресла опускается, и так он полулежит, закрыв глаза.

Теперь он видит Женю. И их комнату. Вот уже четыре года, нет, даже больше — четыре года и три месяца, как они поженились. И теперь живут у Жени. Благо у неё квартира большая.

«Переезжать пришлось не очень далеко!» — усмехается Юлий. На той же лестнице, лишь этажом ниже.

Женю теперь не узнать. Она полюбила борьбу и так разбирается в ней! Наверно, лучше любой женщины в мире.

Юлий вспоминает, как недавно она «научно» доказывала своей матери, что, с точки зрения физиологии, борьба — самый лучший вид спорта. Борьбой достигается наиболее полное, наиболее гармоничное развитие всех мускулов, а также сердца и лёгких.

Насчёт физиологии Женя специалист. Она — аспирантка университета. Пишет диссертацию.

Теперь Юлий, когда хочет подразнить жену, напоминает ей, как ехидничала она, как издевалась над борьбой лет семь-восемь назад. Женя не злится.

— Человеку свойственно ошибаться, — спокойно отвечает она.

...В гостинице их уже ждали.

Юлию достался номер на двоих, вместе с Петром Хромчаком. Хромчак — «полутяж»*. Он нравился Юлию своим безмерным добродушием, улыбочивостью и спокой-

* Так кратко называют борцов полутяжёлого веса.

ствием. Казалось, ничто в мире не может нарушить его душевного равновесия. И только на ковре он преображался. Тут у него появлялись и резкость, и стремительность, и злость.

Одеваясь к ужину, Юлий с Хромчаком обсуждали завтрашний матч.

Оба они были чемпионами СССР. Оба понимали: матч предстоит трудный. Во-первых, турки сильны. А во-вторых, известно, что турецкие судьи очень любят своих борцов. Настолько сильно любят, что выиграть у турок на их родине почти невозможно. Надо обязательно припечатать противника обеими лопатками к коврику и так держать. Только тут уж судьи вынуждены засчитать победу. А по очкам — не выиграешь.

...На следующий день, когда советские борцы прибыли в цирк, они сразу убедились: да, в Турции любят борьбу.

Оставался ещё целый час до начала матча, а цирк был уже забит до отказа. Зрители теснились даже в проходах и на ступеньках лестниц. Шум стоял, как возле водопада. Все что-то говорили, стараясь перекричать друг друга, а где-то наверху, под самым куполом, вдруг тявкнула труба, завывали автомобильные гудки.

Первыми, как это истари заведено, боролись самые лёгкие. Наилегчайшие.

И надо же, как не повезло! Турок тушировал нашего Николая Шалимова. Чистая победа, и всего за три минуты двенадцать секунд!

И без того шумный цирк взревел от восторга. Турки плясали, пели, свистели. Юлий видел, как двое уже немалых мужчин обнимались и целовались. Кто-то слева гулко, раз за разом, стрелял в потолок. А справа визжали так пронзительно, будто их задавили.

Первая схватка всегда очень важна. Она психологически действует на команду. Первая победа окрыляет всех. Первый ноль угнетает.

— Спокойно, спокойно, — гудел Петя Хромчак. — Главное — что? Спокойствие!

И вот на ковре — вторая пара. Легчайший вес.

Борцы долго топчутся, как бы приглядываясь друг к другу. Ни один не решается атаковать.

Наконец схватка пошла острее. То советский борец, то турок пытаются провести приём. Но оба настороже. Чёткого преимущества нет ни у кого. Пожалуй, советский борец поактивней. И в партере он выглядит лучше.

«Интересно, — думает Юлий. — Неужели же судьи не дадут победы нашему? Неужели...»

И вот раздаётся голос судьи-информатора.

И сразу. — восторженный крик, рёв, вой, свист.

Всё ясно. Победу по очкам присудили турку.

Советские борцы хмуро переглядываются. Два — ноль. Это уже не шутка. А судьи... Вовсе не стесняются. Открыто помогают своим.

— Надо выигрывать чи-

сто, — говорит тренер. — Только чисто.

Он хочет казаться спокойным, но глаза у него блестят, как у больного с высокой температурой.

— Ничего, — гудит Пётр Хромчак. — Не робей, мальчики. Всё ещё впереди!

Так-то оно так, а всё-таки...

И вот на ковёр вызывается третья пара. Полулёгкий вес. От Советского Союза — Игорь Афиногенов. Нет, не Юлий: он давно уже перешёл в следующую категорию, в лёгкий вес.

Борцы молча похлопывают Игоря по плечам, по спине.

— Ну, ни пуха!

Да, Игорю надо выиграть. Непременно. А то счёт станет три — ноль. Это уже будет катастрофа.

Но хуже нет, когда позарез необходимо выиграть. Когда ты знаешь, что от тебя, только от тебя одного зависит успех всей команды. Эта огромная ответственность давит на тебя, сковывает.

Но Игорь — молодец! Как решительно начинает он схватку! Словно сразу показывает турку: нет, несмотря на два — ноль, я не сломлен. Наоборот, я полон сил и отплачу за товарищей.

Игорь навязывает турку свой темп. Приём следует за приёмом, бросок за броском. По очкам Игорь, конечно, впереди.

Советские борцы, сидя у барьера, волнуются. Очки у этих судей-«патриотов» могут всяко повернуться. Нет, нужна чистая победа! Бесспорная,

И Игорь понимает это. Он, чуть открывшись, привлекает турка провести выигрышный бросок. Турок, мгновенно оценив выгоду своего положения, хватает левую руку Игоря. Но Игорь действует ещё стремительней. Контрприём. И турок, оторванный от ковра, взлетает и падает на лопатки.

Тут уж никакой судья не придерётся. Чистая победа. Итак: два — один.

Цирк затих. Он молчит, как в глубоком трауре. Только наверху яростно вопит возмущённая труба.

Друзья поздравляют Игоря и ободряюще смотрят на Юлия. Да, он понимает, теперь всё в его руках. Если он проиграет, опять счёт станет катастрофическим. А если выиграет: два — два. Матч словно бы начнётся заново.

«Ну, — говорит сам себе Юлий. — Не дрейфь, парень».

Он выходит на ковёр. В противоположном по диагонали углу — его противник. Турок чёрный, коренастый. Мускулы плеч у него так развиты — кажется, они тяжело пригибают его к земле.

Рукопожатие, и схватка началась. Юлий наступает. Он теснит противника. Он хочет провести приём, но турок на чеку.

Ладно.

Юлий снова наступает. Так, зажав друг друга как бы железными обручами, они словно меряются силой: кто оторвёт другого от земли?

И вдруг Юлий чувствует: что такое? Турок словно вы-

скальзывает из его объятий. Да, да, как рыба, он скользит, его никак не схватить. А не схватишь — никакого приёма не проведёшь.

Юлий ещё и ещё раз пытается ухватить турка. То за плечо, то за шею. Нет, всё напрасно. Турок как маслом смазанный...

Юлий поднимает руку. Сигнал.

Схватка приостановлена.

В цирке — шум, свист, крики.

Что надо этому русскому? Чего он не борется?

Юлий через переводчика объясняет судье: противник, видимо, вспотел. Его не ухватишь.

Судья кивнул. Он машет рукой, на ковёр выскакивает какой-то длинный тощий турок и полотенцем обтирает борца.

— Быстро, быстро, — торопит судья.

И вот — схватка продолжается. Юлий снова атакует. Снова то он, то противник проводят приёмы и контрприёмы.

Так проходит с минуту, и Юлий вдруг чувствует: тело турка опять скользит. Как обмылок. Как сосулька. Выскальзывает из любого захвата.

Юлий опять поднимает руку. Сигнал.

Цирк бушует. На галёрке бахают из револьвера. Где-то бьют в медные тарелки, стучат барабаны. Крики, шум.

Что опять нужно этому русскому? Почему он не борется? Что он, сигналить вышел или бороться? А может, он просто трус?

Юлий спокойно — ох как не легко даётся ему это спокойствие! — объясняет судье: противник опять взмок. И без доказательств видно, как лоснится его кожа в свете мощных ламп.

Судья снова делает знак, и опять на ковёр выскакивает тощий турок и полотенцем торопливо обтирает борца.

Схватка продолжается. Но длится она не больше минуты. И опять — турок скользит, как угорь. И опять Юлий сигналил судье.

Цирк, кажется, сейчас взорвётся от возмущения.

— Долой! — орут зрители.

— Борись!

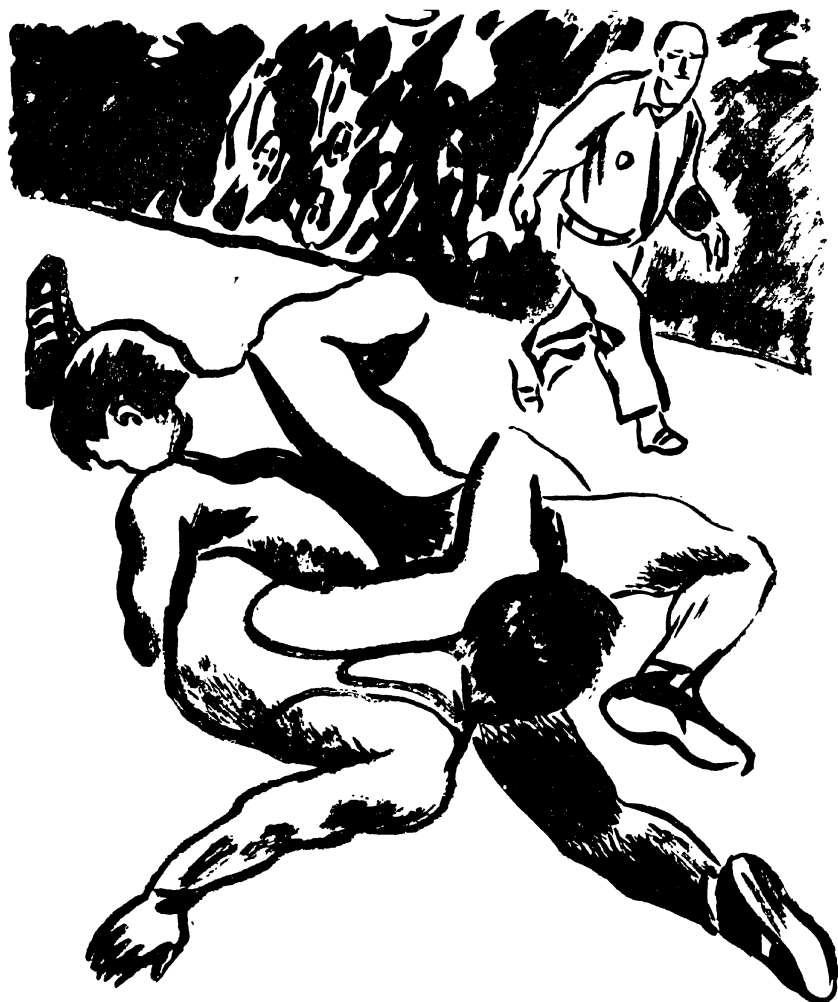
— Хватит увёртываться!

Зрители кричат по-турецки. Юлий, конечно, не понимает их крика. Но по лицам, по голосам, по интонациям — всё ясно.

«Так, — торопливо мелькает у него в голове, пока турка снова осушают, теперь уже двое массажистов, двумя полотенцами. — Так. Этот прохвост или натёрся маслом, или нарочно выпил ведро чая. И теперь потеет, как купец за самоваром. Значит?.. Значит, надо кончать с ним сразу, как только его оботрут. Сразу. Пока он ещё не успеет взмокнуть. Да. Только так».

Массажисты с полотенцами убежали с ковра. Судья даёт сигнал. Схватка продолжается.

Юлий бросается на турка. Быстрее, быстрее!.. Но очень торопиться тоже нельзя. Нарвёшься на приём — и конец.

Юлий делает финт*, турок кидается резко вниз. Ага! Юлий круто меняет позицию. Схватив турка, он бросает его через себя, через грудь. И тут же припечатывает к коврику.

Судья даёт свисток. Победа!

Но Юлий, словно не слыша, всё ещё прижимает турка лопатками к коврику. Чтобы никаких сомнений, никаких протестов.

...Вечером у себя в номере Юлий и Хромчак долго обсуж-

дали только что кончившийся матч.

Турки проиграли. Три — пять. Но победа далась нелегко. Со всем нелегко. После шести схваток счёт был три — три. И только две последние победы — Хромчака и нашего тяжелою Кольки Шустрова — решили судьбу матча.

Юлий приехал домой ночью. Самолёт опоздал почти на сутки. Вот тебе и самый быстрый, самый удобный вид транспорта!

* Финт — обманное движение.

Но Женя не спала. Каждые полчаса она звонила в справочное. Отвечали однообразно: «Самолёт изменил курс и приземлился в Свердловске». Но наконец, когда она уже всерьёз стала тревожиться — не случилось ли чего? — скучный голос в трубке монотонно пробормотал: «Вылетели из Свердловска в двадцать один пятнадцать».

Юлий был — «как всегда». Как всегда, аккуратно повесил пальто в прихожей. Как всегда, поставил чемодан на его обычное место: в шкаф, на дно. А она-то думала, что сегодня муж будет какой-то совсем другой, непривычный. Какой — она не знала. Но — другой.

Ведь — шутка сказать! — первый раз за границей! И такая победа!

— Ну, рассказывай, — попросила жена. — И подробно.

Он пожал плечами. Что рассказывать? Основное, главное, она уже видела по телевизору. А подробности?.. Но разве толком передашь, как складывалась эта чудовищная схватка?!

— Нынче позновато рассказывать, — сказал он. — А как тут Гришук?

— Спит. Вчера медведю вспорол брюхо. У них в садике у Игоря — аппендицит. Вот и Гришук вырезал аппендицит своему медведю.

...На следующий день жена ушла рано и увела с собой сынишку.

Юлий, не торопясь, побрился, просмотрел газеты.

Зазвонил телефон.

— Привет, старче! — бодро воскликнул кто-то.

Голос был знакомый. Но кто? Юлий не узнал.

— Здравствуйте, — сияясь побыстрее сообразить, кто же это звонит, ответил он.

— Да ты что, чертяка, старых друзей не узнаёшь? — загремел голос. — Это же я!

«Но кто — я? Фу, как некрасиво получается!» — злясь на себя, подумал Юлий.

— Только-только за границу слетал и уже зазнался, — опять загремел голос. — Это же я — Андрей! Рамзай!

«Фу, чёрт! Ну, конечно! Андрей!»

— Старче, — сказал Андрей, — мне надо тебя увидеть. Хорошо бы сегодня...

Вообще-то сегодняшний вечер Юлий планировал провести дома, с женой. Неловко как-то: только прилетел и сразу удирает. Но и Андрею отказать было тоже неловко. Тем более — сперва не узнал...

— Ладно, — сказал Юлий. — Где?

— В «Поплавке». В восемь. Идёт?

— Договорились.

Жёлтые и багряные листья пылали под ногами. Юлий шёл и думал об Андрее. Как давно они не виделись! Года три. Нет, пожалуй, даже четыре. И даже не звонили друг другу.

А почему? В самом деле?

Впрочем, настоящими друзьями они никогда не были. Но, как ни говори, вместе пришли в спортшколу. И столько лет тренировались рядом, в одной зале, на ковре.

Здороваясь, Юлий внимательно оглядел Андрея. Нет, тот почти не изменился. Глаза всё такие же голубые, а волосы чёрные. Это редкое сочетание всегда поражало незнакомых. И загорелый дочерна.

— Ну, чемпион, что будем есть? И чем запивать? Вернее, что будем пить? И чем заедать?

— Ты же знаешь, Андрей...

— Ах, да, да! Режим дела-ет чемпиона! Но обмыть побе-ду-то можно?

— Ладно. Одну рюмку.

Подошла официантка. Анд-рей заказал коньяк, долго, со вкусом выбирал закуски. Это он всегда умел и любил.

— Расскажи про матч, — по-просил он.

Юлий рассказал. Кратко. Впрочем, подробней и не тре-бовалось. Андрей всё схваты-вал с полуслова.

— Знаешь... — медленно, как бы раздумывая, произнёс Андрей. — Ты только не оби-жайся. Если бы мне когда-ни-будь сказали, что ты будешь чемпионом СССР и выступишь за границей... Я бы даже не смеялся. Просто подумал бы — чепуха. И всё.

Юлий пожал плечами.

— А ты помнишь?.. — ска-зал Андрей. — Помнишь, Иг-нат однажды ляпнул, что через два года я буду чемпионом страны?! Я, а не ты! — он ко-ротко хохотнул.

Да, это Юлий помнил.

— Конечно, — сказал он. — Ты был самый талантливый из нас. Аполлон плюс Геркулес.

— Ну уж...

— Да, да. — Юлий чувство-вал, что Андрею приятны эти воспоминания. И кроме того, тут не было ни грамма лукав-ства. Святая правда. — По-мнишь, тогда Игнат крикнул, что ты — олух и сам не пони-маешь, что ты рождён для борьбы, как птица для полёта. Так и сказал — помнишь? — «как птица для полёта».

Андрей не ответил. Отвер-нулся к реке и, казалось, вни-мательно изучал разноцветные бусинки огней.

— А знаешь, Андрей, коль разговор уж так повернулся... Скажи, чего ты вдруг бросил? Как отрубил! Был борец — нет борца...

Андрей оглядел Юлия. При-щурился, будто прицеливал-ся, — давняя его привычка. Долго молчал. Потом спросил:

— Ну, а ты?.. Как думаешь? Почему?

— Не знаю... Никто из ре-бят не знает. Разное болтали. Но точно — никто...

— Да. — Андрей задумчиво чертил зигзаги вилкой на ска-терти. — Ты помнишь? Я тогда тренировался, чтоб стать чем-пионом Ленинграда...

Да, это Юлий помнил.

— Ну, и результат тоже по-мнишь? — Андрей усмехнул-ся. — Чемпионом я не стал.

Да, и это Юлий помнил.

В те дни Игнат то терпеливо-спокойно, то сердито доказы-вал, что Рамзай халтурит, не всегда соблюдает режим, не выкладывается до конца.

— И понимаешь? Может, я слишком честолобив? — в раз-думье продолжал Андрей. —

Не знаю. Но, в общем, застряли во мне эти слова Игната. Ну, что я, мол... Чемпионом буду. И показалось мне — это уже где-то рядом. Ну, ещё немного нажать... Ещё... И всё. А тут вдруг — стена... Понимаешь? Стена. Тупик. Ну и, честно скажу, — я скис... — Он замолчал.

— А потом?

— А потом бросил. К чёрту! Понимаешь — ни с места. Как проклятье! Как насмешка...

Он швырнул вилку, налил себе рюмку и с маху опрокинул её в рот.

— Послушай, — сказал Андрей и опять прищурил глаз, будто прицелился. — Ты, наверно, гадаешь? Чего это я вдруг позвонил тебе, позвал?

Юлий неопределённо пожал плечами.

— Нет, не думай, ничего не случилось. И никаких у меня к тебе срочных дел. Просто увидел вот тебя по телевизору... И, честно скажу, — позавидовал. Да, может, некрасиво, но позавидовал. И захотелось поговорить... Пофилософствовать... Выяснить один вопросик. Простой такой вопросик. О том, справедливо ли устроена жизнь?..

Юлий усмехнулся.

— Нет, вот давай напрямую. — Андрей налил себе ещё рюмку. — Кто из нас способнее? Кто был «как птица для полёта»? Ну? Я или ты?

— Ты, — сказал Юлий. — Безусловно ты.

— Так почему же?.. — Андрей стукнул кулаком по столу. Рыжеволосая официантка оглянулась. — Нет, не волнуйся, я не пьян. Так почему же чемпион — ты? А? Как глупо устроена жизнь...

Вообще-то Юлий не любил такие «философские» беседы в ресторане. Но тут не сдержался.

— Глупо? Нет мудро. Очень мудро! — резко ответил он. — Да, ты был талантливее. Но ты предал... Именно... Предал свой талант. Ты смалодушничал... Дезертировал...

Он остановился. Он знал — это жестоко. Но... Так, наверно, и нужно. Хотя раз в жизни Рамзаю необходимо услышать о себе всё-всё — без утайки.

Юлию хотелось добавить ещё одну фразу, любимое изречение Григория Денисовича: «Всякая победа начинается с победы над собой».

Но взглянул на Андрея и замолчал.

Андрей побледнел. Кровь разом схлынула с его лица. Загорелое, оно вдруг сделалось пепельно-серым.

Он молчал, глядел на реку, где всё ярче и ярче искрились, переливались зелёные, и белые, и красные, и синие огоньки, целое ожерелье. Хмурился и молчал.

У ВСЕХ есть что вспомнить, о чём рассказать. Что касается меня, то мои воспоминания скорее плохие, чем хорошие.

Каждое утро, смотрясь в зеркало, я спрашиваю себя: что опять случилось сегодня? Когда настроение совсем плохое, я вытаскиваю на свет божий одну историю: историю, спрятанную глубоко в сердце.

Я голодал три дня. Не было работы. Да вдобавок ко всему пошёл снег. Что из того, что мой костюм был выглажен, рубашка и галстук безупречны, походка, как только возможно, независима: парень, изображающий курортника в ледяном Париже, — явление заметное.

И всё же этот снег — я его благословил... Быть может, мне удастся поработать несколько дней. Ремесло метельщика улиц ещё никого не опозорило. Надо думать, что парней, вроде меня, хватало: в приёмном пункте ни одного требования. И улицы сменялись улицами, двери закрывались одна за другой перед моим носом. И проклятый желудок напоминал о себе всё время.

Напротив меня через улицу блестели рождественские витрины большого магазина. К стеклу прильнуло множество восторженных мордочек. Я всегда любил ребят. Немного из-за них, немного из-за игрушек я перешёл на ту сторону.

Было хорошо. Инфракрасная реклама, казалось, согревала. На фоне искусственного пейзажа шёл электрический поезд. Я вспомнил, как радовался, когда нашёл у себя под ёлкой такой же, когда жил там... Машинально я нащупал письмо, лежавшее в кармане. Я его получил сегодня утром, и оно было от мамы. Всегда те же слова: «Возвращайся, будешь с нами». Конечно, мне хотелось повидать маму. Брат блестяще сдал экзамены. Сестра стала невестой молодого врача. Это было чудесно, но мама мне не писала о том, сколько им пришлось вытерпеть, чтобы достичь всего этого. А я знал, и никогда ноги моей не будет в этой стране. С Америкой я покончил.

Витрины остались позади, и на меня снова налетели снег и голод.

У маленькой двери стояло человек десять. Я подошёл. Мне сказали со смехом:

— Ты насчет места?

Сухо, как только мог, я ответил:

— Конечно.

Все расхохотались. Я не мог никак понять, что тут было смешного. Я спросил того, что был постарше:

— Скажите, о какой работе идёт речь?

Он показал на маленькое объявление: «Требуются деды-морозы Обращаться в...» — и так далее. А затем прибавил, всё ещё смеясь:

— Видишь, бедняга, у тебя нет никакой, никакой надежды.

Мне осточертела эта фраза, слышанная столько раз. Я ушёл. За моей спиной раздавался смех кандидатов в деды-морозы, и вдруг я вернулся и стал в очередь. Попытать счастья ничего ведь не стоит! Дверь отворилась. Нас впустили в контору. По крайней мере, здесь я был в тепле.

Парни один за другим заходили в комнату. Только взглянув, с каким выражением лиц они выходили, можно было понять: кто принят, а кто нет. Подошла моя очередь. Служащая, уткнувшись носом в бумаги, спросила, не глядя на меня:

— Имя, адрес, возраст, национальность?

Услышав моё имя, она подняла голову и расхохоталась:

— Вы с ума сошли?

— Нет, хочу работать.

— Но в конце концов, вы ни о чём не думаете. Такого ещё никто не видывал!

Она так смеялась, что парень, работавший в соседней комнате, пришёл узнать, в чём дело. Она показала на меня.

— Он пришёл наниматься в деды-морозы. Представляете себе?

Парень долго смотрел на меня.

— Мы организуем отдел специально для него. Национальные то-вары... музыка... настроение... Это будет потрясающе! Какая реклама! Такой дед-мороз будет только у нас.

Я остановил его излияния:

— Когда я могу начать?

— Завтра утром... Если хотите, сейчас же. Проконсультируете меня по части оформления. Оно должно быть достойно нашей фирмы.

В моей голове кружила только одна мысль: сегодня вечером у меня будет еда... Я буду есть сегодня вечером. Я знал, что платили подённо.

Я ещё не ответил ему, а он уже потащил меня по нескончаемым коридорам в глубину магазина.

Два дня спустя с белой бородой и в красном пальто я очутился на троне, покрытом шкурами пантер, среди картонных пальм, возле реки, из которой торчала крокодилья голова. Следует признать, что люди останавливались. Я имел большой успех.

Только детей я ещё боялся. Я не решался с ними заговорить.

Всё же однажды вечером, перед закрытием, передо мной оставился маленький человечек. Лет шести, с голубыми глазами, с волосами до того светлыми, что они казались белыми. Он созерцал меня, открыв рот; не говоря ни слова.

Я решился, подошёл к нему, протянул руку и спросил:

— Ты рад, что увидел деда-мороза?

И тогда свершилось чудо.

Он ответил мне тоненьким голоском:

— О, да! Потому что они все ненастоящие. А ты, ты один настоящий дед-мороз.

И он положил свою маленькую беленькую лапку в мою большую руку негра.

Перевела с французского Р. КОПОТКОВА

Б е р ё з к а

У нашего дома берёзка росла,
Высокой, кудрявой и стройной была.
Весной, зеленея, скучала она:
Вдали от подруг шелестела одна.

Однажды под осень задумался я.
Её пожалел: посадил тополя.
Берёзка махала мне веткой-рукой
И голову мне окропила росой.

Три года прошло, подросли тополя.
И вместе с берёзкою радуюсь я.
Я тоже скучаю один без друзей
Поэтому знаю, как весело ей.

КОСТЯ КОЛЕСОВ,
4-й класс, Дубровская школа

Троза. Вылет разрешён

Дождь хлестал тугими скошенными струями, грохотал по крыше «рафика», высекая из луж белые пузыри.

Стеклоочистители еле справлялись с потоками воды. Водитель поминутно протирал свою часть запотевшего лобового стекла и передавал тряпку сидевшему справа научному руководителю полётов доктору физико-математических наук Илье Имянитову.

Ливень прижал к обочине десятки автомашин, и всегда оживлённый Московский проспект стал неприлично пустынным.

Над Киевским шоссе клубились чёрные дымящиеся облака. Небо то и дело раскалывалось в слепящем изломе, и треск раздираемого полотно сменялся катящимся грохотом, перекрывавшим и гул мотора, и яростную дробь дождя.

Стеклянный павильон аэропорта выглядел, как выглядят все аэропорты в нелётную погоду. Длинная очередь к справочной. Дежурная, нечеловеческими усилиями сохраняющая спокойствие, и её лишённый интонаций голос — единственный результат этих усилий.

«...Задерживается до шестнадцати часов», — сообщает на миг оживший динамик, и все как по команде смотрят на часы.

В белом дыму дождя замерли на взлётном поле самолёты. Лётчики читают, решают кроссворды, потягивают кофе, обсуждают шансы «Зенита» и дают советы углубившимся в раздумье шахматистам. Они тоже томятся.

У диспетчера аэродромной службы полно народу.

— Вы знаете, какие убытки понесёт государство из-за ваших инструкций? — кипятится высокий человек в очках, с нервным лицом.

— Нет, — отвечает диспетчер, — нет.

— Я вам могу сообщить! Может, это на вас подействует.

— Нет, — бездушно повторяет диспетчер, — не подействует. Я огорчён так же, как и вы, но ваш самолёт пока не выпущу.

— Вы не отдаёте себе отчёта! Как вам объяснить?

Беседу прерывает командир пассажирского самолёта «ТУ-104Б» Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации. Он протягивает диспетчеру полётный лист. Рядом с ним прибывшие на «рафике» ведущий инженер ГосНИИГА Владимир Александров с профилем и загаром индейского вождя и грузноватый Имянитов, представляющий здесь Главную геофизическую обсерваторию имени Воейкова.

— А, это вы! — Рука диспетчера выводит: «Вылет разрешаю». — Советую заглянуть под Воронеж. Там что-то вызревает.

— Эт-то что?! — задохнулся очкастый. — Им, выходит, можно?

— Им — да, — с улыбкой отвечает диспетчер и с неожиданным интересом и сочувствием смотрит на него. — Потерпите немного.

Взревев турбинами и подрагивая корпусом, «ТУ-104Б», бортовой номер 42403, вырывается на полосу.

Его пассажиры — научные сотрудники, инженеры, техники — с беспокойством поглядывают в иллюминаторы — как бы не «испортилась» погода. Разгонит ветер тучи, выглянет солнце, и всё пропало — ищи её, грозу, где-нибудь у чёрта на куличках. А встретиться с грозой, поймать её необходимо. В этом весь смысл полёта.

О ТОМ ВРЕМЕНИ, КОГДА ВСЁ БЫЛО ЯСНО

...В давние, далёкие времена всё было просто и уж, во всяком случае, объяснимо. Человек с надеждой или трепетом, радостью или мольбой обращал свой взор к небесам, занимающим 90 процентов всего обозреваемого пространства. Небеса прозрачно-синие, в белоснежных лёгких облачках или лохматых дымящихся громадах, могли напоить или иссушить землю, затопить целые города и за какие-нибудь 15 минут варварским налётом града уничтожить плоды тяжёлого труда земледельца. С гневом небес приходилось считаться.

Гром и молния вселяли ужас, но не были загадкой.

У южноафриканских племён не было сомнения, что всё это проделки Гром-птицы. «Противогрозовой защитой» ведали колдуны. Наиболее искусные из них уверяли, что им ничего не стоит защитить своё население — если оно того заслуживало — и наслать Гром-птицу на голову врагов, которые это заслуживали всегда.

В Древнем Риме и Греции молнией распоряжались непосредственно верховные боги Юпитер и Зевс. Иногда, правда, кто-нибудь из рядовых богов, стащив потихоньку парочку-другую молний, употреблял их и в своих целях.

Именно молнией Афина Паллада расправилась с хвастуном Аяксом, возвращавшимся из-под стен Трои.

У славянских народов громы и молнии метал Илья-пророк, разъезжавший на небесной колеснице, а люди молитвами и примерным поведением пытались расположить его к себе.

Но вот великий Ньютон, проводивший опыты с электростатической машиной, заметил сходство между электрической искрой и молнией. К этому выводу пришёл и ряд других учёных.

Смелый вывод! Ибо, чтобы сопоставить оба явления, необходимо было преодолеть барьер масшта-

ба, — барьер, по одну сторону которого располагалась искра длиной несколько сантиметров, а по другую — десятки километров.

Дальше других пошёл блестящий дипломат, литератор, философ, издатель, наконец, просто обаятельный человек, один из основателей клуба «кожаных передников» (его члены зарабатывали себе на жизнь трудом) — сорокалетний американец Бенджамин Франклин.

Обнаружив ряд общих свойств у молнии и электрической искры, он записал: «...электрическая жидкость притягивается остриём. Мы не знаем, обладает ли тем же свойством молния. Но если все остальные свойства молнии и электрической искры, которые нам удалось сравнить, совпадают, почему бы не предположить, что совпадает и это? **Поставим же опыт!**»

Проволока вытягивает из электростатической машины искру, рассуждал Франклин. Если допустить, что облако — та же машина, только гигантских размеров, то из него тоже можно вытянуть искру. Надо только приблизить к нему проволоку.

Он предложил укрепить на очень высокой башне тридцатифутовый железный стержень с заострённым концом.

В Филадельфии не нашлось нужной башни, в Англии не нашли нужным проводить опыт, и лишь во Франции физик Далибар провёл эксперимент. Он прикрепил к длинному шесту стеклянную бутылку в качестве изолятора, вставил в неё металлический стержень длиной 13 метров и укрепил это сооружение на здании.

«Поймать» подходящее облако было поручено человеку исполнительному и достаточно решительному — отставному солдату Куафье.

Вооружившись заземлённой проволокой и терпением, бывалый воин стал ждать.

10 мая 1752 года разразилась подходящая гроза. Куафье поднёс проволоку к стержню... Из него вылетел сноп синеватых электрических искр. Довольный Куафье, служив-

ший до этого мишенью для остро-словов, несколько раз повторял свои опыты перед сбежавшими жителями деревни.

Это известие облетело весь учёный мир. Видный специалист по атмосферному электричеству Б. Шонланд заявил, что впечатление, произведённое открытием Франклина, сравнимо лишь с тем, какое впоследствии произвёл атомный взрыв.

Не дождавшись, пока в городе Филадельфии построят высокий шпиль, спустя месяц после удачи солдата Куафье, Франклин сделал воздушный змей и собственным пальцем «вытянул» небесный огонь из ключа, привязанного к бечёвке змея.

В этом же году заземлённые «франклиновские стержни» — молниеотводы стали устанавливаться во многих городах Америки, а затем и Европы.

Тут-то и начались трудности. Дело в том, что всё характерное для истории науки характерно и для истории изучения молнии. И здесь не обошлось без политической борьбы, без вмешательства в споры учёных сил не столь просвещённых, сколь влиятельных.

Учёный мир разделился на «тупо-» и «остроконечников».

Ярым «тупоконечником» проявил себя член Королевского общества Б. Уилсон.

— Острия притягивают молнию, — говорил он, — следовательно, опасность поражения здания, где такое острие установлено, во много раз увеличивается. Другое дело, если конец у стержня тупой — он оттолкнёт молнию.

Поди разберись: кто тут прав? Тем более, что пороховые склады в Перфлите, оборудованные по указаниям самого Франклина остроконечными молниеотводами, не избежали всё-таки некоторых повреждений.

Это теперь понятно, что плохо устроенный молниеотвод (например, плохо заземлённый) опаснее, чем отсутствие его вообще, а тогда этого не знали.

Счёл необходимым вмешаться в спор и английский король Георг III. Как всякий король, он в силу занимаемой должности был непогрешим, и сознание этого избавляло его от необходимости что-то знать. Власть же наилучшим образом подкрепляла августейшие доводы. Впрочем, Георг с его желанием «помочь науке» не был таким уж исключением. В давние времена многие государственные мужи часто и охотно отвлекались от каждодневных дел, чтобы наставить учёных на истинный путь.

Монарх по-своему подошёл к проблеме. Кто ратует за остроконечные молниеотводы? Американец Бенджамин Франклин. А кто он, собственно, такой? Ну, допустим, в конце концов это его дело, а политические взгляды у него какие? И тут всё стало на свои места. Ведь этот самый Франклин — один из авторов «Декларации независимости», провозглашённой взбунтовавшейся северо-американской колонией в 1776 году. Каких же ждать от него учёных взглядов?

А Уилсон, его противник, — человек вполне благонамеренный. Он хороший подданный и хороший учёный. И если он высказывается за тупоконечные громоотводы, слушать надо его, а не этого бунтовщика Франклина.

Остроконечные молниеотводы были запрещены. Ост-индская компания в верноподданническом восторге поспешила вообще снять молниеотводы со своих пороховых складов на Суматре. Взрыв первого же из них прозвучал салютом в честь мудрости короля.

В 1780 году суд обязал некоего В. де Буа-Валле снять молниеотвод с крыши своего дома, чтобы он не притягивал молнию к домам возмущённых соседей.

Дело было передано в следующую инстанцию и выиграно 22-летним адвокатом Максимилианом Робеспьером.

С ТЕХ ПОР прошло почти 200 лет. В пользу молниеотводов давно никто не сомневается. Их умеют устанавливать и почти научились рассчитывать, «почти» — потому что для 100-процентной гарантии надо получше знать повадки молнии и, что особенно важно, её природу.

Количество теорий грозы перевалило за сотню. Наверное, это хорошо, даже наверняка. Но, к сожалению, ни одна из них пока достоверно не отвечает на вопрос: «Что такое гроза?» А знать это необходимо всем: и метеорологам, и строителям, и морякам, и лётчикам.

Чтобы ответить на этот вопрос — выяснить, как устроено грозовое облако, — надо создать наилучшие условия для исследователей, а именно — поместить их внутрь облака.

К сожалению, в этом случае понятия «наилучшие условия» и «наибольшие удобства» не совпадают.

Но что поделаешь!

И вот реактивный лайнер — летающая лаборатория, подкараулив грозу, взмывает в небо, идёт в атаку на грозовое облако — создаёт исследователям «наилучшие условия».

НАД ГОРОДОМ — 100 МИЛЛИОНОВ ТОНН

Оставив своих собратьев мокнуть на лётном поле, «ТУ-104Б» разбежался и пошёл ввысь.

Самолёт пробил нависшие над Ленинградом тучи. Сверху они выглядели совсем по-другому — белоснежная пена, по которой скользила тень самолёта. Не верилось, что это те самые лохматые чёрные громады, метавшие на город молнии и заливавшие его потоками воды.

Летающая лаборатория-самолёт, оборудованная Аэрофлотом и Гидрометслужбой, взяла курс на Воронеж: гроза над Ленинградом уже заканчивалась, нужно было поискать развивающееся облако.

На экране самолётного локатора появилась засветка — белое пятно, силуэт грозового облака.

Посоветовавшись, решили пройти сквозь него.

— Включить аппаратуру! Начало режима! — скомандовал ведущий инженер Александров. Тотчас самописцы принялись за дело. Они следят за поведением самолёта в грозовом облаке, регистрируют каждый толчок, бросок самолёта, реакцию лётчиков на них. Эти данные интересуют в первую очередь ГосНИИГА.

Имянитова, как представитель Гидрометслужбы, интересуется в первую очередь поведением самой атмосферы, «кухня грозы».

Самописцы, «работающие» на него, фиксируют напряжённость поля в облаке, заряд самолёта, токи на различных участках фюзеляжа. При слишком большой величине заряда (а что такое «слишком большая величина»?) молния может ударить в самолёт. И хоть трудно отрицать, что именно это и будут наилучшие условия для исследования, доводить до этого не следует.

— Максимальное поле сто вольт на сантиметр, — доложили по внутренней связи.

Это значит, что если высунуть за борт два пальца (вещь абсолютно невозможная) и раздвинуть их кончики на расстояние 10 сантиметров

(вещь абсолютно ненужная), получишь удар напряжением 1000 вольт!

70-тонный лайнер начало понемногу толкать, дёргать, трясти, как телегу на булыжной мостовой.

— Вход в облако!

Сразу потемнело. Пол резко пошёл вниз. К этому нельзя привыкнуть. Можно сделать вид, что не обращаешь внимания. Не более.

Оба пилота, напрягаясь, тянули на себя штурвал. Падение продолжается. Это уже почти невесомость. Каково-то космонавтам!

— Град! — сообщил из пилотной кабины Имянитов.

Это для тех, кто в салоне. Им град не заметен. Здесь же сотни трассирующих ледяных пуль в упор расстреливают застеклённую кабину и, кажется, вот-вот разнесут её на куски.

— Напряжённость поля тысяча вольт на сантиметр!

— Самолёт заряжен до миллиона вольт!

По стёклам побежали; извиваясь, фиолетовые искры.

Б. Евтеев и Н. Зиганов докладывают показания своих приборов и ведут записи в журнале.

— Тысяча пятьсот вольт на сантиметр!

— Потенциал самолёта полтора миллиона вольт!

Падение прекратилось. Можно передохнуть. Нет, это только кажется. Будто гигантский бульдог вцепился в самолёт, и трясёт, и мотает из стороны в сторону, а записывать всё равно надо.

— Дождь с градом!

Карандаш, конечно, опять не был привязан, теперь он под передним креслом, разбить голову о которое ничего не стоит.

— До конца засветки двадцать километров!

20 километров!.. Сколько же это минут? Это будет...

Тело прижимает к креслу, вдавливая всё глубже. Вертикальный лоток подхватил самолёт и со скоростью свыше 20 метров в секунду несёт с неослабной силой. Это в то время, когда рули отклонены вниз и вся мощь турбин тянет самолёт к земле.

Ничего нет хорошего — подняться выше расчётного потолка и быть брошенным на произвол судьбы на высоте, где из-за разрежения отказывают рули.

Подъём заканчивается — кресло уже не так давит. Но тут же машину швыряет вбок и валит на крыло. Побелели пальцы у обоих пилотов. Некогда отереть застилающий глаза пот.

— До конца засветки пять километров!

Целых 5 километров! Сколько это по времени — час, год, вечность?

Наушники болтаются у радиста на шее. Из них рвётся первобытный грохот, вой, дикие хрипы, взрывы, хрюканье, адское лязганье, шипение тысячи кобр.

Видимо, никогда не кончатся эти проклятые 5 километров. А может быть, там у них локатор врёт и его надо выбросить на свалку?

Это называется исследование атмосферного электричества? Может быть, это правильней назвать самоубийством? Неужели можно будет выбраться из этого ада! Когда? А ведь сколько есть на свете прекрасных профессий! Земных.

Понемногу светлеет. Уже не сплошная серая стена, а полосы и рваные шлейфы туч несутся мимо иллюминаторов.

Голос с плохо скрываемой радостью сообщает:

— Выход из облака!

И всё стихло. Светит солнце. Как будто не было никакой грохочущей, адовой мглы, лишённой «верха» и «низа», не было безумной скачки на взбесившемся мустанге.

— Конец режима!

ЭТОТ полёт происходил 10 лет назад. Исследовательскому самолёту, гонявшемуся за молниями, необычайно «повезло». Он ворвался в то самое грозное облако, которое 14 августа 1961 года обрушилось на город Воронеж сильнейшим градом. Градины весом 300—400 граммов сбивали на лету птиц, обрывали провода, ломали ветви деревьев, пробивали крыши, разбивали стёкла.

За каких-нибудь 10 минут городу был нанесен большой ущерб. Но исследовательская группа получила много очень важных данных наблюдений, сделала ценные научные выводы.

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКОГДА

Так высказался по поводу вероятности существования пятен на Солнце отставной урядник Войска Донского Семи-Булатов в своём письме учёному соседу.

Почти то же самое могли бы сказать по поводу молнии сегодняшние учёные. Разумеется, им самим не раз доводилось видеть молнию, и они знают о ней гораздо больше других, но именно последнее обстоятельство — накопленные знания — и заставляет их смущённо разводить руками.

Дело в том, что по правилам, или, как принято говорить, «по науке», никаких молний быть не должно...

Если верно, что молния — электрическая искра, а ничего другого пока взамен не предложено, то она не имеет права на существование. Быть её не должно... И по крайней мере по двум причинам: во-первых, чтобы искра пробила сантиметровой слой воздуха (в облаке), необходимо напряжение не менее 10 000 вольт, в облаке же напряжение,

приходящееся на 1 сантиметр (напряжённость поля), не превышает 2000 вольт. Какие уж тут молнии! И если они всё-таки сверкают, значит, тут что-то не то. Что-то ещё неизвестно.

Узнав, что молния — искра, и основательно изучив электростатику, учёные поставили перед собой вопросы, на которые пока не могут ответить. Знание породило незнание.

Далее. Молния — это искра, или электрический ток в газе. Косвенным путем удалось установить величину этого тока. 15 000—20 000 ампер, а иногда 100 000 и даже 300 000 ампер! (При дуговой сварке ток равен 500—700 ампер.)

Ток — это упорядоченное движение зарядов. Но заряды в облаке расположены на капельках, удалённых друг от друга на «космические расстояния». Это не преувеличение — одна капелька удалена от другой примерно на 100 своих диаметров. На таком же удалении находится Луна от Земли!

Возникает вопрос: каким образом и по какой команде (это должно произойти одновременно) разобшённые заряды попадут в канал молнии?

И на этот вопрос ответа пока нет.

А ответить необходимо. На нашей планете в каждую секунду бушует около 1800 гроз, сверкает 100 молний!

Это много. А по мнению авиаторов, это во много раз больше, чем много. Им надо летать, и чем длиннее полёт, тем большая вероятность встречи с грозой. Летать в грозу небезопасно и правилами запрещено. Значит, надо научиться своевременно распознавать очаги зарождения грозы, отличать от «мирного облака» развивающееся грозовое, чтобы своевременно обойти его, и, наоборот, не тратить попусту время на далёкий обход безобидного облака.

Чтобы изучить грозу, надо забираться в самое её чрево — туда, куда залетать обычным самолётам нельзя.

Но вся беда в том, что даже исследовательский самолёт не может безнаказанно каждый раз забираться в грозу. Для него тоже существуют правила. Значит, надо придумать способ исследовать облако, не забираясь в него, а летая высоко над ним. Для этого необходимо создать специальные приборы и научить их разбираться в электрическом хаосе грозового облака.

Этим занимаются сотрудники Главной геофизической обсерватории имени Воейкова, заведующий лабораторией атмосферного электричества И. Имянитов, научные сотрудники и инженеры Б. Евтеев, Н. Зиганов, В. Михайловская, Я. Шварц, Л. Александрович, Г. Чешенко.

Они придумали хитроумные приборы и начинили ими «ТУ-104Б», превратив его в летающую лабораторию. (Потом эти приборы «сошли на землю», оказавшись незаменимыми для биологов, медиков, физиологов, инженеров-слаботочников и других.)

Они летают над облаками с задачей нарисовать портрет типичного грозового облака.

Это необходимо для безопасности и регулярности полётов. Чуткие навигационные приборы осмотрят, ощупают, измерят на почтительном расстоянии встретившееся облако, сравнят с запомнившимся им портретом и дадут лётчику надлежащий совет: менять курс или не обращать внимания на мирное «декоративное» облачко.

Но чтобы нарисовать этот портрет, нужно сделать тысячи «фотографий» реальных облаков, причём стараться найти именно непохожие друг на друга, лишь тогда усреднённый портрет будет наиболее достоверным.

ПО ЗАБИТОМУ Московскому проспекту «рафик» выбирается на Киевское шоссе и набирает скорость. На небе ни облачка, и лица исследователей хмурятся.

Их самые худшие предчувствия, кажется, оправдываются.

Знакомый стеклянный павильон. Никто не спит в креслах. Дежурная справочной с готовностью отвечает на редкие вопросы.

В руках встречающих полыхают букеты.

— Для вас, к сожалению, ничего нет, — говорит метеоролог. — Вот только возле Челябинска что-то обещали. Попробуйте.

Заполнив бланк, он передаёт его командиру корабля. Погода удручающе хорошая, хоть не вылетай. Но может, и правда, у Челябинска что-нибудь проклянется... Не сидеть же и ждать... непогоды.

Исследовательская группа гуськом идёт к самолёту и поднимается по лёгкому трапу через носовой люк.

Под крылом — ни облачка. Солнце врывается в салон и не даёт вздремнуть. Но вот на локаторе появилась небольшая засветка.

— Внимание! Подготовиться к режиму!

ТВОЙ ЗНАЧОК

ПИОНЕРА всегда узнаешь. Есть у него яркая, красочная примета — алый галстук. А часто рядом с галстуком, на лацкане пиджака или на кофточке, можно увидеть и другую примету — пионерский значок. Конечно, каждый пионер знает его. Но далеко не каждому известно, какие ещё были значки у пионеров на протяжении их пятидесятилетней истории. Об одном из них рассказывалось в «Искорке» № 4 за 1971 год. О некоторых других мы расскажем сейчас.

В мае 1922 года Москва встречала делегатов Всероссийской конференции комсомола. Съехались они в молодую столицу Советской республики для того, чтобы обсудить много разных комсомольских дел. Был в повестке дня и вопрос об опыте московских пионерских отрядов. Тогда такие отряды только-только появлялись. Работали московские пионеры хорошо, и конференция приняла постановление: распространить их опыт на всю страну. Решение это было принято в последний день работы конференции — 19 мая. Этот день и стал днём рождения пионерии в нашей стране.

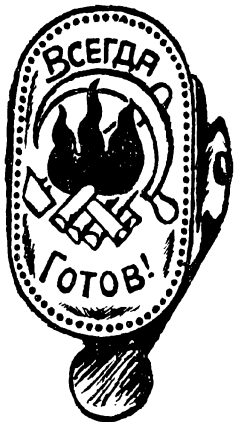
А в 1923 году был выпущен и первый пионерский значок. Он представлял собою красный флаг с древком; на флаге — костёр, сложенный из пяти поленьев, что символизировало пять частей света; над поленьями — три языка пламени: связь трёх поколений — коммунистов, комсомольцев и пионеров. Были на флаге ещё серп и молот — символ союза рабочего класса и крестьянства. А на серпе надпись: «Будь готов!»

Много раз с той поры менялся рисунок пионерского значка, но костёр с тремя языками пламени остался навсегда.

Носили первый пионерский значок на левой стороне груди. Но вскоре он перекечевал прямо на галстук. Правда, при этом «переселении» из значка он превратился в зажим. Пионеры 20—30-х годов хорошо помнят его. Прodel галстук, зажал язычок с тремя тупыми зубчиками — и никаких узлов завязывать не надо! На зажиме пылал тот же пионерский костёр, были те же серп и молот, и только лишь слова «Будь готов!» сменились на «Всегда готов!».

Пионеры были самыми активными участниками всех дел своей страны. И прежде всего — первыми помощниками комсомола. Их вожатые строили домы, возводили города, покоряли тайгу и готовились стойко защищать свою Родину. Лучшие спортсмены сдавали нормы на значок ГТО — «Готов к труду и обороне», самые меткие носили на пиджаках значок «Ворошиловский стрелок». Девушки сдавали нормы на значок ГСО — «Готов к санитарной обороне».

Не собирались отставать от старших и ребята. Вскоре и у них появились значки: «Будь готов к труду и обороне», «Будь готов к санитарной обороне», «Юный Ворошиловский стрелок», «Юный моряк». Особенно ребятам нравился значок БГТО. На нём в маленьком светлом кружке был портрет юного Володи Ульянова. К кружку на двух цепочках при-

КАРБЫШЕВЦУ

креплялся другой круг-шестерёнка, а в нём — эмалевая красная звезда со спортсменом-бегуном в центре.

В 1923 году появились и первые пионерские лагеря. Организаторами их были заводы и фабрики, вожатыми — комсомольцы этих предприятий. По решению ЦК ВЛКСМ в июне 1925 года открылся всесоюзный пионерский лагерь «Артек». К 35-летию со дня его открытия Ленинградским монетным двором в честь этого события был выпущен памятный значок. На нём на фоне неба, гор и моря возвышается знамя с портретом В. И. Ленина. По кругу идёт надпись: «Артек имени В. И. Ленина. СССР».

Многие пионерские лагеря нашего города также имеют свои значки. Это лагеря «Чайка», «Голубое озеро», «Ладожец» и некоторые другие.

Всю свою любовь и заботу молодая Страна Советов обратила в первую очередь к детям. В стране царили ещё голод и разруха, а для ребят рабочих Путиловского завода уже была открыта первая в стране музыкальная школа. Сейчас она носит имя В. И. Ленина и к своему 50-летию юбилею тоже выпустила значок: на небольшом прямоугольнике — крышка рояля, скрипка и труба, на крышке рояля буквы ДМШ — Детская музыкальная школа.

В 30-е годы во многих городах СССР открываются Дома и Дворцы пионеров. Родина отдаёт ребятам лучшие здания: занимайтесь, отдыхайте, спорьте, соревнуйтесь, творите! В 1937 году Дворцом пионеров Ленинграда стал бывший Аничков дворец на Фонтанке. Отмечая своё 25-летие, он выпустил памятный значок — точно такой же, как и первый, созданный при открытии Дворца: на пионерском горне — красный вымпел с золотыми буквами: «Ленинградский Дворец пионеров». Только теперь прибавились ещё цифры: «XXV».

Отметили свои юбилеи и Дворцы пионеров Челябинска и Свердловска. Свердловский Дворец пионеров — один из старейших в стране, он уже праздновал своё 40-летие.

А вот маленький значок Дома пионеров Смольнинского района города Ленинграда. Он выполнен в форме щита. Вверху — силуэт пионерского значка, на белом фоне щита буквы: «ДП» и по краю: «Смольнинского района». Значок скромный, но всё равно очень дорог каждому, кто его имеет.

В Дома и Дворцы пионеров пришли самые любознательные, самые пытливые ребята. Вокруг них стали группироваться юннаты, спортсмены, юные умельцы. Стали возникать секции, клубы, объединения. В Ленинградском Дворце пионеров двадцать четыре года назад возник клуб юных геологов. На его значке — раскрытая книга и геологический молоток.

Чем интересуются ребята? Всем на свете! Всюду хотят они не только изучать, познавать, но и строить, помогать. И вот перед вами целая серия значков: «Юный натуралист», «Юный друг природы», «Юный железнодорожник», «Юный техник», «Юный турист», «Юный друг пограничника», «Юный филателист», «Юный судья по спорту», «Юный осведомец». Значков множество! Но каждый из них не купишь просто так, его надо заслужить. И тогда с гордостью можешь носить его на груди.

Что чаще всего встречается на пионерских значках? Красный галстук, горн, барабан и ещё — раскрытая книга. Раскрытая книга — это символ знания, она как бы подчёркивает главную обязанность школьника: учиться, учиться и учиться!

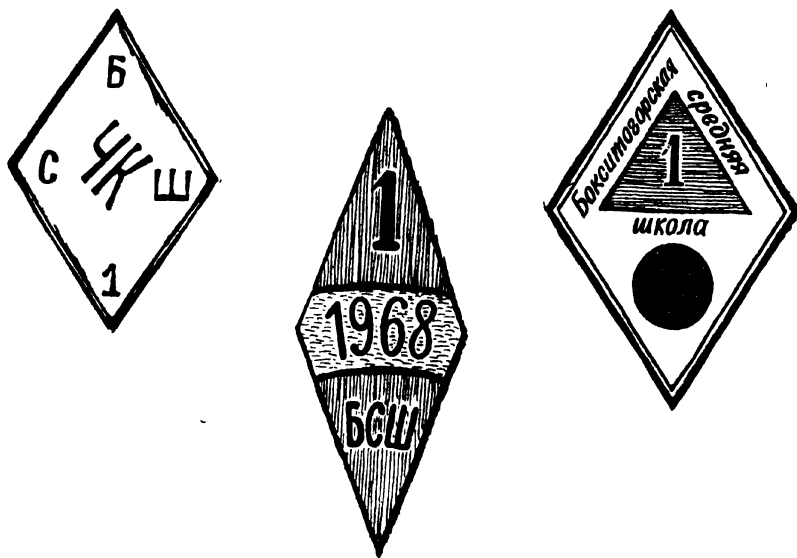
Такую книгу с веткой лавра можно увидеть на небольшом ромбике значка ленинградской 336-й школы. По нижним сторонам ромба идёт надпись: «Лучшему ученику». Значок был учреждён в 1964 году. Им награждаются лучшие ученики школы, лучшие активисты. Имена их заносятся также в Книгу почёта школы.

Годом позже появился подобный значок и в 5-й школе на Васильевском острове. На нём также изображена раскрытая книга, глобус и на красном знамени золотые буквы: «Победителю соревнования». Награждаются им победители соревнования пионерских отрядов, и вручается он один раз в год — на торжественной линейке, посвящённой началу учебного года.

Книгу с портретом А. С. Макаренко можно увидеть на значке школы-интерната № 20. Книгу с портретом А. П. Гайдара — на значке школы № 8 города Уфы.

А на значке 6-й школы Ленинграда видна увитая пионерским галстуком огромная пятёрка. Чтобы получить эту пятёрку, надо прилежно учиться, быть активистом в школьных делах. Просто? А попробуй-ка!..

Значок 206-й школы Ленинграда украшен горящим факелом. По нижним сторонам ромба тоже два слова: «Ленинград, КИВ», что означает — Клуб интернациональных встреч, Клуб интересных встреч. Введён этот значок с начала 1967/68 учебного года. По цвету значки изготавливаются двух образцов: жёлтого и бирюзового. Жёлтыми награждаются лица, оказавшие школе конкретную помощь в работе, связанной со школьным музеем В. И. Ленина, интернациональным клубом, в эстетическом или военно-патриотическом воспитании. Награждение производится от имени школы по решению совета музея В. И. Ленина. Значок бирюзового цвета вручается только учителям школы и её выпускникам. Выпускники получают значок вместе с аттестатом зрелости, а вновь пришедшим в школу учителям он вручается во время праздника Дня учителя.

Есть у ленинградских школ и юбилейные значки. Вот два из них: «10 лет 50-й школе», «533-я школа. I выпуск 1967 года».

Это значки школьные, а ведь в каждой школе есть и пионерская дружина! Имеют свои значки и некоторые из дружин. Вот маленькая беленькая полоска с красной звездой и одним только словом: «Карбышеву». И всё понятно: тот, кто носит этот значок, является членом пионерской дружины имени Д. М. Карбышева.

На другом значке — портрет М. В. Фрунзе и надпись: «430 дружина им. М. В. Фрунзе».

А вот значок ещё проще: на красном фоне золотой силуэт С. М. Кирова и чуть ниже надпись: «195 дружина».

На значке московской пионерской дружины 786-й школы имени Е. Михайлова изображены пионер и пионерка.

Интересно живёт огромная пионерская семья нашей страны. Вот значок всесоюзной игры «Зарница». Вот значок победителя в лыжных соревнованиях на приз газеты «Пионерская правда». Рядом значки соревнований «Золотая шайба», «Белая ладья», «Кожаный мяч».

На золотом квадрате — красное знамя, лица двух мальчишек, карта нашей Родины, надпись: «Творчество юных». Это значок выставки, проходившей в начале этого года в Москве. На ней были представлены лучшие работы юных техников, авиа- и судомodelистов, художников, фотографов, вышивальщиц. Выставка была огромной, но всё равно право стать её участником доставалось не просто: ведь на ней собраны работы ребят из всей-всей нашей страны!.. Поэтому и иметь значок этой выставки очень почётно.

Хочется сказать ещё о некоторых значках. Далеко ведь не всякая школа, не всякая дружина может выпустить свой значок, заказав его на фабрике. Что же делать остальным? Выпустить значок самим! Ребята 1-й Бокситогорской школы уже имеют такой опыт. Вот три их значка. Все они сделаны в форме ромба. Два — наклеенная на жёсткую бумагу, третий — чеканка по меди. С обратной стороны к каждому припаяна обыкновенная булавка — прикалывай и носи!

Что же это за значки? Первый — просто значок школы. На нём так и написано тушью: «1 БСШ 1968», второй, с красным кругом светофора, — значок дежурного по школе. Третий кроме уже знакомых «1 БСШ» имеет две загадочные буквы «ЧК». Что за «ЧК»? Так называли себя ребята — члены комитета по охране порядка. Они несли дежурство на улицах Бокситогорска, боролись с хулиганами, юными курильщиками, нарушителями правил ГАИ. Лозунгом их были слова: «Даём бой дряни любой!» Ребят со значком «ЧК» знали в городе, повзрослому уважали. И неважно, что значок был самодельным, люди его носили настоящие!

Обо всех пионерских и школьных значках рассказать просто невозможно. Да о многих из них мы, возможно, и не знаем. И если вам, ребята, известна какая-либо интересная история, связанная с пионерским или школьным значком, — напишите в «Искорку». Ваш рассказ мы опубликуем на страницах журнала, и все его читатели скажут вам спасибо.

В. ЩУКИН

Николай АЛТУХОВ

МОДНИКИ

*Пришли деньки холодные,
Недолго до пурги.
И все лесные модники
Меняют кожушки.*

*Доха лисы-красавицы
Пушиста и тепла,
И вычистили зайцы
Тулупы добела.*

*А белка, белка шустрая,
Одна из щеголих,
Орехи держит вкусные
В перчатках меховых.*

*С иголочки одетые,
На лес они глядят.
Он,
Их примеру следуя,
Меняет свой наряд.*

Рис. Г. Ясинского

ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ

Должность башенного трубача в западногерманском городе Мюнстере была введена ещё в XII веке. Ему вменялось в обязанность «трубить время и предупреждать жителей о приближении врага». Начиная с десяти вечера и до семи часов утра он каждый час трубит в свой рог.

Прошли столетия, многое изменилось в Мюнстере. Теперь это красивый современный

город, но древняя традиция отсчитывать время по трубному звуку осталась.

И в новогоднюю ночь, когда стрелки башенных часов сойдутся на цифре двенадцать, с высокой башни церкви Св. Ламберти донесутся звуки рога.

— С Новым годом! — скажут друг другу жители Мюнстера в последнюю ночь декабря, услышав, как трубит в полночь невыносимый трубач.

«ПЕШКОМ» ПО МОРЮ!

В Японии — стране, окружённой со всех сторон просторами морей и океанов, большое внимание обращается на средства передвижения по воде.

Житель города Такацуки, расположенного на побе-

режье Осацкого залива, решил перейти «пешком» по воде пролив Акаси между Кобэ и островом Авадзисима, шириной 6,5 мили. Для такого перехода он изготовил «мокроступы». Они представляют собой два фанерных поплавка, длиной 1,2 метра и шириной по 20 сантиметров. С помощью

ГОРОДОК ДЛЯ ДЕТЕЙ

В Венгрии в центральном пионерском лагере Чиллеберц, находящемся в горах на Будапештской стороне Будапешта, решено создать городок для детей. В нём разместятся уменьшенные копии знаменитых архитектурных сооружений мира, таких, как ленинградский Зимний дворец, египетская пирамида, афинский Акрополь, пизанская падающая башня, здание ООН, брюссельский атомный и другие.

ПРОЧНЕЕ МЕТАЛЛА

Губахинский химический завод (Пермская область) выпускает синтетический материал — капролон, по прочности не уступающий металлу. Втулкам и шестерёнкам, сделанным из капролона, не страшны трения даже при весьма значительных нагрузках.

весла-лопатки, укрепленного на одном из поплавков, создавались колебания, напоминающие шаги, что и давало возможность двигаться по воде.

Через 4,5 часа отважный путешественник, несмотря на сильное течение, достиг острова.

...общая земельная площадь нашей Родины составляет более 2 миллиардов гектаров? В Советском Союзе более 150 тысяч рек и свыше 250 тысяч озёр. Примерно восьмая часть всех ресурсов воды в реках земного шара приходится на реки нашей страны.

★
...берёза живёт 100—120 лет, ель — 300, сосна — до 400? Тысячелетние дубы живут со времён образования Руси как государства. Сохранились у нас дубы, под которыми писал Пушкин или давал клятву войскам Богдан Хмельницкий.

★
...знаменитые чикагские боины просуществовали 106 лет? Сейчас они переводятся в другой район. По подсчётам специалистов, за время существования боен в них забито более миллиарда голов скота.

★
...самой маленькой столицей мира называют Нигали — столицу Руандийской Республики — небольшого африканского государства? Население этого города не превышает 10 тысяч человек.

★
...в 35 городах мира есть метро, в 20 городах оно строится? Сейчас в Польше разрабатывается проект метрополитена столицы. Варшава будет 56-м городом, имеющим метро.

★
...достопримечательностью Кутаиси являются... часы? Они установлены в центре города. Высота их 2,5 метра (без постаментов). Они показывают время, число, день недели, месяц и даже температуру воздуха. Каждый час часы исполняют популярную в городе мелодию композитора Р. Лагидзе. Часы созданы местными конструкторами.

★
...Бутан (небольшое княжество в Гималаях) славится красочными почтовыми марками? Недавно почтовое ведомство Бутана выпустило несколько серий стереоскопических марок, подобных которым до сих пор нигде в мире не выпускалось. Для изготовления их разрабатывалась в обстановке строгой секретности специальная технология, были созданы особые фотокамеры, методы контроля печатного процесса, особое химическое покрытие, создающее иллюзию глубины.

★
...в горах Карачаево-Черкесской автономной области обнаружен мавзолей, покрытый рисунками, являющимися древнейшим видом письменности? Мавзолей сложен из массив-

ных каменных плит. Учёные полагают, что он был построен примерно тысячу лет назад и служил усыпальницей крупного военачальника. Мавзолей разобран и по частям перевезён в Ставрополь.

★
...сверхгигантская комета Холмса, наблюдавшаяся в 1882 году, имела голову (самая яркая часть, внутри которой находится ядро) диаметром 1,5 миллиона километров, что превышает диаметр Солнца? Хвост её тянулся более чем на 300 миллионов километров.

★
...наши учёные создали металлические нити толщиной в тысячные доли сантиметра из сплавов рения? Рения в земной коре — одна десятиллионная доля процента. Эти нити, так называемые торсионы, необходимы в приборах для навигации и управления самолётами.

★
...студент Петер Штрэнгер из западногерманского города Фульды начал путешествие на велосипеде в... Индию? Протяжённость его маршрута более 13 тысяч километров. Он рассчитывает преодолеть это расстояние за 8 месяцев. Его первая остановка — Багдад. Затем Стамбул, Багдад, Тегеран, Кабул, Равалпинди и Дели.

1	2	3	4	5	6
16	17	18	19	20	7
15			22	21	8
14	13	12	11	10	9

Отыскав значения шести слов, определения которых приведены ниже, расставьте их буквы в клетках фигуры, согласно номерам.

Если всё будет сделано правильно, то по спирали — от края её к центру — вы прочтёте слова из песни.

Позиция гимнаста на вытянутых руках, при которой тело принимает вертикальное положение — 12, 2, 3, 19, 1, 16. Старик — 15, 6, 20. Первое блюдо — 5, 4. Единица мощности — 11, 18, 7, 8. Вес товара без упаковки — 17, 13, 10, 22, 9. Выдающийся русский художник — 14, 21.

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ

Б	А	Р	Х	А	Т	М	А	С	К	А	Ш	В	Е	Р	Б	О	Т
Б	Р	О	Д	Л	И	Ф	Т	У	Т	С	Б	Р	О	Д	С	А	Л
Х	Р	О	М	К	О	К	Ч	Е	Й	И	Г	Л	О	Т	Р	И	О
Д	О	К	Р	И	Т	В	И	О	Л	А	Е	Е	Й	Э	Б	Р	О
Л	И	Т	К	Е	К	Р	А	Н	А	И	Н	А	И	С	Т	У	С

Затушуйте 47 клеток, выбрав их так, чтобы из них составились четыре буквы названия спортивной игры.

Если это будет сделано правильно, то в незатушёванных клетках можно будет прочесть названия ещё шести спортивных игр.

ЗАДАЧИ СО СЛОГАМИ

Подумайте, какие двух- или трёхбуквенные слоги можно поставить вместо чёрточек, чтобы каждый найденный вами слог заканчивал предыдущее слово и начинал следующее. Так, в первой строке вместо первой чёрточки можно написать слог НА, тогда получится то, что нужно: ЛУНА, НАСОС...

1. ЛУ — СОС — ВЕС — ВОЙ — КАТ.

2. ВА — КОН — СКО — ЗА — НИК.

ПОДБЕРИТЕ СЛОВА...

□ ■ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ □ □ □ □ □ □ □

Заменяя знаки по своему усмотрению теми или иными буквами, составьте три слова. Постарайтесь, чтобы они образовали осмысленное предложение, а не были просто набором слов.

Необходимое условие при выполнении этой задачи — постоянство значения знаков: одинаковые знаки должны во всех словах заменять одну и ту же букву...

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Эти слова интересны тем, что каждое из них можно превратить в новое (более короткое), исключив одну букву: **клюква** (клюка), **заводь** (завод), **трубка** (рубка).

Прodelайте то же самое со словами, приведёнными ниже, а исключённые буквы выписывайте по порядку: интересно, что у вас получится.

**Свеча, брелок, буер, отмель, не-
явка, плавун, пост, буерак, сумма,
баул, франк, барак, угол, ручка,
пилот, карта.**

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 9 и 11)

ПОИЩИТЕ ПОСЛОВИЦУ

Один ершок — ухи горшок.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Умение — половина дела.

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Минус. 6. Жа-
ров. 8. Железобетон. 9. Телегин.
10. «Сон».

По вертикали: 1. Гилея. 2. Пуле-
мёт. 3. Материк. 4. Потоп. 7. Поле-
вод.

1 + 2 + 3 + 4...

М + ая + ков + ский = Маяковский.

ГОЛОВЛОМКА

«Изумруд».

ВЕСЁЛЫЙ ПЕРЕВЕРТЫШ

«И киты нытики».

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Ответ смотри на рисунке.

БУКВОГРАММА

Артель атаманом крепка.

Содержание

Первая снежинка. Стихотворение Семёна Когана	1
«Я верую в народ...» Статья Вл. Галина	2
Потомок декабристов. Очерк А. Беляковой	7
Придумки. Гром. Цирк. Спичка. Капля. Стихи А. Кондратьева	19
Поправки к географии. Окончание очерка Н. Ермоловича	20
Федот в карете. Разница. Стихи Дмитро Белоуса	25
В парке. Никогда не поздно. Стихи Грицько Бойко	26
Юлька-заморыш. Окончание повести Бориса Раевского	27
Настоящий дед-мороз. Рассказ Сержа Лебрая	46
Берёзка. Стихотворение Кости Колесова	48
Гроза, вылет разрешён. Очерк Даниила Тихого	49
Твой значок. Статья В. Щукина	56
Модники. Стихотворение Николая Алтухова	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Едет ёлочка на праздник».

На 2-й странице обложки портрет Н. А. Некрасова работы художника В. Бендинера.

На 3-й странице обложки «Твой значок» (к 56-й странице журнала).

На 4-й странице обложки рисунок-загадка художника Г. Моисеевой «Новогодние подарки».

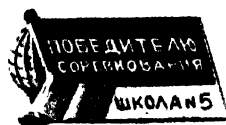
Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин,
К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444, телефон 12-87-55

Сдано в набор 28/X 1971 г. Подписано к печати 17/XII 1971 г. 4 п. л.
М-55224. Зак. № 466. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57

цена 10 коп.

